Чердабаев Бауыржан

Бауыржан Чердабаев

Серебряный дирхем

«Автор»
2026

Чердабаев Б.

Серебряный дирхем / Б. Чердабаев — «Автор», 2026

Одна случайная находка способна изменить не только жизнь человека, но и ход истории.Четырнадцатилетний Бакир обнаруживает старинный серебряный дирхем времён Золотой Орды. На первый взгляд — редкая археологическая находка. Но странная выбоина на монете — то ли от пули, то ли ещё от чего-то — и загадочные события вокруг неё постепенно раскрывают тайну, уходящую в глубь веков.Вместе с отцом и друзьями Бакир втянется в опасную историю, где переплетутся прошлое и настоящее, древние предания Великой степи и необъяснимые силы. Серебряный дирхем окажется связан с легендарной золотой лодкой, способной перемещаться во времени, а за происходящим будет скрываться нечто гораздо более страшное, чем можно было представить.Кому можно доверять, если даже древний оберег хранит свою тайну? И хватит ли смелости встретиться лицом к лицу с тем, что пришло из другого мира?

© Чердабаев Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Обращение к читателю 6
Часть первая 8
Пролог 8
Глава 1. Из-за аварии в электросети 10
Глава 2. Возвращение отца Бакира из командировки 14
Глава 3. Поздним вечером в комнате Бакира 18
Глава 4. Тревожное известие 22
Глава 5. Монета-призрак 24
Глава 6. В поисках серебряного дирхема 30
Глава 7. Объявление о пропаже амулета 32
Глава 8. Дочь ветерана Великой Отечественной войны 35
Глава 9. Старинное предание, рассказанное тётей Фазилат 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Бауыржан Чердабаев
Серебряный дирхем

Эта книга посвящается Мастеру ХОРА, современному дзенскому мастеру-мистику и создателю транс-эволюционного учения и Практики ХОРА, с помощью которой у меня появился неимоверный шанс взглянуть на мир другими глазами.

Обращение к читателю

Дорогой читатель!

У вас в руках вторая книга о легендарной золотой лодке — волшебном артефакте, способном путешествовать во времени и пространстве. Благодаря этой книге вы погрузитесь в атмосферу невероятных и сверхъестественных приключений, узнаете тайну серебряного дирхема и познакомитесь с ранее неизвестным преданием, связанным с Великой степью и Золотой Ордой.

Но, прежде чем погрузиться в новую историю, я предлагаю вам вспомнить книгу первую: в начале апреля 1991 года два друга, четырнадцатилетних подростка, Омаров Мансур и Нуржанов Баубек, находят в степи ту самую легендарную золотую лодку. С её помощью они вместе со стариком Камбаром, дедушкой Мансура, ветераном Великой Отечественной войны, попадают в апрель 1395 года, в исторически неспокойное время правления хана Тохтамыша, в разгар его противостояния с эмиром Тимуром. И если друзьями движет обыкновенный ребяческий авантюризм со стремлением разнообразить размеренную сельскую жизнь, то старик Камбар осознанно устремляется по следам опасного врага из своего прошлого — немецкого офицера-эсэсовца Отто Майера.

В средневековом городе Сарайджуке старик Камбар и друзья наблюдают за Майером, который сколачивает банду из местных бандитов, планируя добраться до мага Абу Али. Но на самом деле Абу Али никакой не маг, а профессор из будущего Горин Абубакир Алиханович, прибывший в прошлое выкрасть из городской библиотеки древние секреты создания золота. Профессор Горин заключает сделку с ханом, исцеляет его дочь Малику, но попадает в тюрьму и ожидает казни.

Однажды Мансур спасает беспризорника Валида: успевает вырвать мальчика из-под колёс несущейся кареты ханской дочери. Той же ночью Валид помогает Мансуру встретиться с Маликой, очень похожей на его одноклассницу Асем. Но близится осада города войсками эмира Тимура, и на рассвете Мансур прощается с Маликой. Перед уходом он просит её позаботиться о Валиде и возвращается к своим.

С наступлением осады юные герои во главе отважного Камбара пытаются отбить профессора Горина у банды Майера, но эсэсовец вырывается вместе с профессором из города и добирается до спрятанной в степном овраге золотой лодки. Старик Камбар с ребятами поспевают за ними. И находясь уже в золотой лодке, старик Камбар вступает в ножевую схватку с Майером и смертельно ранит его.

Вернувшись в 1991 год, Мансур видит странный сон, слышит голос Асем, зовущий на помощь. Проснувшись, он обнаруживает на подоконнике глиняную поделку в виде лодки — подарок Валида ханской дочери Малике. Мама Мансура, Мендеш, появляется в комнате сына и говорит ему, что, пока он спал, приходила его принцесса и оставила для него эту поделку, сказала: «лодка». Смешная она, разве бывают такие лодки?

Содержание

Обращение к читателю
Часть первая
Пролог
Глава 1. Из-за аварии в электросети
Глава 2. Возвращение отца Бакира из командировки
Глава 3. Поздним вечером в комнате Бакира
Глава 4. Тревожное известие
Глава 5. Монета-призрак

Глава 6. В поисках серебряного дирхема
Глава 7. Объявление о пропаже амулета
Глава 8. Дочь ветерана Великой Отечественной войны
Глава 9. Старинное предание, рассказанное тётей Фазилат
Глава 10. Поздним вечером в квартире Нуржанова Баубека
Глава 11. Рассказ Баубека о некоторых моментах из своей жизни
Глава 12. Договор с сущностью
Глава 13. Воспоминания тёти Фазилат
Глава 14. Книга Мансура
Глава 15. Чудеса на дорогах войны
Часть вторая
Глава 16. Там, откуда всё начиналось
Глава 17. Разработка нового плана
Глава 18. В библиотеке Сарайджука
Глава 19. Побег ханской семьи во владения князя Витовта
Глава 20. Поездка в Сарайшык
Глава 21. Сон Бакира
Глава 22. Ночь на чужбине
Глава 23. Баубек отправляется в Сарайшык
Глава 24. Детский археологический лагерь
Глава 25. Ночной переполох в лагере
Глава 26. Между Майером и Гориным накаляется обстановка
Глава 27. Странная находка
Часть третья
Глава 28. Легенда становится явью
Глава 29. Плата за вмешательство в прошлое
Глава 30. Девочка с глиняной лодочкой
Глава 31. Принцесса-одноклассница
Глава 32. По следу ханской дочери
Глава 33. Трагедия на Кордайском перевале
Глава 34. Ссора между Мансуром и Баубеком
Глава 35. Воссоединение и прощание Ирады с Енлик
Глава 36. Встреча с демоном
Эпилог

Часть первая

Пролог

Было глубоко за полночь. В ночном небе над Сарайджуком сгущались тучи. Вдали, за рекой, слышались слабые раскаты грома.

В приоткрытое окно тускло освещённой комнаты небольшого деревянного дома, располагавшегося на окраине средневекового города, в центре скромной усадьбы на возвышенном цоколе из необожжённого саманного кирпича, ворвался резкий порыв холодного ветра. Пламя от масляной лампы, стоявшей на полу недалеко от окна, судорожно трепыхнулось, отбросив зловещие тени на выкрашенные побелкой стены. Лампа слегка зачадила, мигнула, но не погасла.

У изголовья суфы[1], выступавшей вдоль стены широкой глинобитной скамьёй, сидела на постели молодая рыжеволосая женщина рядом с больной четырёхлетней дочерью. Малышку лихорадило. Озноб сменился новым приступом жара, и она сдавленно захныкала. Её щёки пылали, дыхание было неровным, а маленькие ручки беспокойно двигались по постели. Молодая мать с тревогой откинула в сторону тёплое стёганое одеяло и принялась обтирать тело девочки обильно смоченным в воде куском ткани. Но вот, покончив с обтиранием, она, нависнув над дочерью, принялась яростно шептать себе под нос что-то, похожее на заклинание, и попеременно с остервенением дуть на её ослабленное тельце, будто таким образом пыталась вышибить из него злых духов.

С дальних улиц города донёсся тоскливый вой собаки. Чья-то животина завыла протяжно и неприятно, словно предвещая беду. И чуть погодя, прямо над их домом, с оглушительной силой ударил гром, раскатисто грохоча, покатился дальше над всем окраинным раба́дом[2].

Мать малышки встрепенулась и, приобняв дочь, прошептала:

— О, господь всемогущий, молю тебя, помоги моей Енлик, моей маленькой кровинушке!.. Она как крохотный росточек в огромной бескрайней степи, совсем ещё слабенькая и беззащитная, чтобы противостоять свирепым ветрам судьбы… Прошу, умоляю тебя, господь всемогущий, сжалься над ней!.. Помоги моей маленькой доченьке выздороветь и подняться на ноги…

Она всхлипнула, но, живо подавив дрожь в голосе, продолжила:

— О, господь всемогущий, умоляю тебя!.. Ведь ты же знаешь, как никто другой, что почти четыре года назад мы потеряли нашего кормильца, отважного воина и умелого сотника Кошимбая… служившего верой и правдой нашему хану Тохтамышу… Сражаясь с полчищами хромого Тимура, он погиб вдали от родной земли у реки Кондурча… И вот теперь наша с покойным Кошимбаем маленькая дочурка лежит который день в бреду и никак не придёт в себя... О, господь всемогущий, умоляю тебя, помоги ей!.. Помоги моей маленькой кровинушке... Енлик!.. Прошу тебя, помоги!.. Не дай угаснуть её крохотному пламени!..

Енлик вновь захныкала. И молодая женщина тут же притихла, легла рядом с ней, примостившись с краю суфы. Но малышка опять беспокойно задвигалась во сне и, отворачиваясь к прохладной стене, зацепилась ручкой за свисавший с шеи матери кожаный шнурок, на кото-

---

[1] Суфа — это широкое возвышение или лежанка у стены, обычно глинобитная или кирпичная. На ней сидели, отдыхали, иногда спали.

[2] Рабад — (араб.), пригород, ремесленные слободы, расположенные за пределами шахристана (резиденции правителя и знати), в городах Средней Азии, Ирана, Афганистана.

ром крепился увесистый оберег в виде серебряной монеты, оставленный ей супругом перед последним походом.

Мать малышки торопливо сняла оберег с шеи и, приложив его сперва к своим губам в трепетном поцелуе, сунула затем в ручку Енлик.

— Ох, если бы была такая возможность хоть на миг вернуться в прошлое, то я бы вернула ему его амулет, — проговорила она, осторожно погладив спинку дочери и, проваливаясь в сон, добавила: — Чтобы отвести ту поганую вражескую стрелу, что сразила твоего отца, моего ненаглядного Кошимбая…

За окном с шумом зарядил дождь. Наступал пятый день апреля 1395 года.

Глава 1. Из-за аварии в электросети

«1 июня 2014 года… с раннего утра в Центральном парке культуры и отдыха города Алматы царила праздничная атмосфера… на входе гостей встречали любимые сказочные герои… для юных алматинцев были организованы праздничный концерт, различные игры и квесты… творческие активности… ярмарка поделок и выставка рисунков…» — пробежался глазами четырнадцатилетний Бакир по новости и только успел с грустью вздохнуть, как монитор погас…

Прошло больше часа. В четверть восьмого вечера в тихий двор нескольких многоквартирных домов, соседствующих в одном квартале исторического района, грохоча двигателем, наконец-то въехала красно-жёлтая «аварийка».

Бакир метнулся к окну в своей комнате и обрадованно приник лбом к стеклу.

«Неужто сейчас всё восстановят! — проговорил он про себя. — И я ещё успею на онлайн-урок!»

С недавних пор он увлёкся инвестированием в криптовалюту, мечтая как можно скорее заработать огромные деньги. Благо, карточный счёт в банке у него уже был — отец месяцами ранее помог открыть, чтобы, находясь в разъездах и командировках, у него была возможность переводить сыну небольшие суммы на карманные расходы, — а зарегистрироваться на бирже криптовалют и даже прикупить на сэкономленные карманные деньги пару копеечных, но с высоким потенциалом роста цифровых активов Бакиру не составило труда. Этому его обучили на первых уроках тематического курса, на котором он ни одного занятия до сегодняшнего дня ни разу не пропустил. Но теперь из-за отключенного света он не мог даже сесть за компьютер, да и, как назло, с мобильника посмотреть тоже не получилось — забыл его зарядить.

Мысленно поругав себя за такую оплошность, Бакир снова посмотрел в окно: электромонтёры, приехавшие на «Газели», заглядывали в трансформаторную подстанцию, стоявшую особняком справа от двора за пирамидальными тополями. Возле ремонтников крутилась пожилая женщина, в спортивной форме и элегантной соломенной шляпе с широкими полями, и шумно поторапливала их.

Бакир приоткрыл створку окна. Сквозь щебет птиц и шелест листвы до него доносились обрывки фраз.

— …ну татешка[3]!.. ну говорю же вам: из-за аварии в электросети!.. — звонко прозвучал умоляющий голос работника аварийной службы. — …ну что мы можем поделать… сгорели совсем… да, позвонил!.. должны вот-вот подвезти!.. придётся подождать…

— …должны… вот-вот… придётся… — послышалось в ответ строгое недовольство пожилой женщины. — …сколько можно ждать-то… полное безобразие!..

— Вот тебе и щиткоин! — ругнулся в сердцах Бакир подвернувшимся на язык словом, которым криптовалютчики называли любые другие цифровые монеты, кроме самого биткоина, и, закрыв окно, с досадой подумал:

«Пожалуй, это надолго!»

Он тяжело вздохнул и направился в прихожую. Щёлкнул там ещё раз настенным выключателем, надеясь, что вдруг волшебным образом появится свет. Но лампа упорно не желала включаться, и Бакир, спешно обувшись, ступил за дверь.

Во дворе было тихо, и лишь из-за пирамидальных тополей, за которыми скрывалась трансформаторная подстанция, продолжали доноситься голоса электромонтёров. Пожилой женщины, похоже, рядом с ними уже не было.

---

[3] Происходит от казахского «тәте» (обращение к старшей женщине, тете, уважаемой женщине) и в уменьшительно-ласкательной форме приобретает более мягкое, почти дружеское звучание.

Бакир перевёл взгляд на левую сторону двора: под развесистым карагачем, на скамейке он увидал свою бабушку Мендеш и сидевшую у неё на руках четырёхлетнюю сестру Гулю. Они, должно быть, недавно вернулись из парка, где праздновали День защиты детей, и теперь отдыхали во дворе, не замечая его у подъезда. Но Бакир не направился к ним — с утра обиделся на бабушку за то, что она поругала его за то, что долго сидел за компьютером, и к тому же пообещала на этот раз уж точно пожаловаться его отцу, — вместо этого он торопливо зашагал вдоль дома и свернул за угол; пройдя привычным маршрутом между панельными многоэтажками, перешёл оживлённый проспект Достык и ещё минут через пять вышел к своей школе.

Бакир надеялся застать одноклассников на их коронном месте — в старой прямоугольной беседке, где они часто собирались после уроков, на выходных и в дни каникул. Но на этот раз она пустовала, да и на всём школьном участке, никогда не затихавшем от шума и смеха местной ребятни, царила странная тишина. И эта тишина с каждым шагом настораживала его.

— Что за чертовщина! — проговорил Бакир вслух, озираясь по сторонам, и с недоумением добавил:

— Не пойму — где все? Неужели до сих пор гуляют в городе?

У входа в беседку он остановился и снова огляделся. Тишина словно уплотнилась, стала гнетущей, усилившись ощущением крадущейся отовсюду опасности. На миг почудились чьи-то шаги и шёпот, и он вздрогнул. Леденящий холод заскользил по спине.

Не желая задерживаться ни секунды больше на школьном участке, Бакир развернулся, собираясь рвануть обратно во двор, и тут же остановился. На земле, прямо под ногами, лежала потемневшая от земляной грязи и времени крупная монета, окислившаяся до зеленоватого оттенка. Явно старинная! Похожие артефакты ему доводилось видеть на археологических раскопках средневековых городищ, куда раньше брал его с собой отец, пока однажды не случилась ужасная трагедия с матерью… но эта монета всё же была намного крупнее тех, что он видел раньше.

Бакир присел на корточки и потянулся к ней.

«Неужто и вправду старинная! — подумал он. — Возможно, золотоордынская?»

Он поднял находку с земли, осторожно взявшись указательным и большим пальцами за её толстую боковую поверхность. В отличие от других, значительно более тонких золотоордынских монет, эта плотно легла широким гуртом на подушечки пальцев.

Бакир повертел ею немного перед глазами и положил на ладонь увесистым кованым чеканом.

«Так и есть, старинная!.. — с уверенностью подумал он. — И, скорее всего, золотоордынская!.. Но такую огромную я вижу впервые!..»

Ногтем указательного пальца он бережно соскрёб кусочек спекшейся грязи на лицевой, как ему подумалось, стороне монеты, хотя от оборотной она практически ничем не отличалась: и на аверсе, и на реверсе выделялись почти что одинаковые надписи витиеватой арабской вязью. Однако Бакир не сильно разбирался в них и решил показать монету отцу, когда тот вернётся из командировки. Обещал ведь сегодня!..

— Так, а это что тут у нас такое! — пробормотал он себе под нос, прерывая мысли об отце.

Помимо сквозного отверстия с одного края находки, — возможно, проделанного кем-то и когда-то для женского украшения, вплетаемого в косы, «шашбау» или которое носили в виде кулона, — с противоположной стороны отчётливо проглядывалась выбоина размером с крупную горошину.

— Расколоть смартфон об стену! — ругнулся он и, оживлённо потерев подбородок, произнёс:

— От пули, что ли?

Бакир поднялся с корточек и, бережно сжав монету в кулаке, добавил вслух:

— Интересно, чья она? И как тут вообще оказалась?

— А я почём знаю! — внезапно раздался чей-то возглас за его спиной, тут же сменившись звонким заливистым смехом.

Бакир невольно вздрогнул и, резво обернувшись, увидел перед собой соседскую девочку Зибу (Сагдий), жившую в их доме в соседнем подъезде. На днях она вернулась из Астаны, погостить у старшей сестры на всё лето, пока их родители, обустраиваясь на новом месте, полностью отдавались работе.

Блестя красивыми карими глазами, Зиба выжидательно глядела на него и улыбалась.

— Зибо́к! — вытаращился на неё Бакир. — Ты как тут оказалась?

Но, не дожидаясь ответа, Бакир вновь принялся оглядываться. К его удивлению, в окнах близлежащих домов, сквозь стремительно наступавшие сумерки, горел свет, и у него почему-то складывалось впечатление, что он и не гас вовсе; помимо этого вернулись привычные этому месту суета, шум, голоса прохожих, как обычно, торопливо снующих по дворовым тропам между зданий.

Но ещё больше Бакир удивился, увидев в школьной беседке своих одноклассников. Они будто находились за прозрачной преградой или в каком-то другом измерении и не замечали ни его, ни Зибу, громко переговариваясь и хохоча над чем-то.

— Не пойму, что тут происходит!.. — только произнес он растерянно, как тут же кареглазая соседка перебила его.

— Ой, а что это у тебя такое? — вцепилась она по-пацански в его руку и, увидев в разжатой ладони потемневшую монету, взвизгнула с восторгом:

— Ого, монета! Наверное, древняя! Откуда она у тебя?

— Во-первых, не древняя, а средневековая, — небрежно отбился от неё Бакир, словно от назойливой мошки, и сумничал в довесок:

— Древняя — это с десятого тысячелетия до нашей эры и до падения Римской империи в 476 году нашей эры… а, во-вторых, — он взял монету кончиками указательного и большого пальцев и ткнул ею под нос Зибе, — она, скорее всего, была изготовлена в Золотой Орде в четырнадцатом веке…

— Ну и что! — возмутилась Зиба и, быстро показав ему язык, съязвила: — Всё равно старая, а значит древняя…

Но Бакир лишь молча повёл глазами, сунул монету в карман шорт и заспешил обратно во двор.

Зиба засеменила за ним, выпалив на ходу:

— Ба́ка, ты куда — домой?

Не услыхав ответа, она ускорила шаг. Догнав его в паре метров от проспекта, сравнялась и, глянув на него, проговорила:

— А мне моя сестра как-то раз говорила, что старые вещи нельзя приносить в дом. От них может исходить негативная энергетика. От этого, не дай Бог, кто-нибудь из близких может заболеть или, куда хуже, случится что-то нехорошее…

— Да бред это всё! — огрызнулся Бакир, подумав про себя: «что может быть хуже, чем потеря мамы!», и, прибавив шаг по пешеходному переходу, ехидно бросил в её сторону: — Твоя сестра, скорее всего, нарочно так говорит, чтобы ты больше не таскала в дом всякий хлам!

— Я не про хлам, — смутилась Зиба. Наверное, вспомнила, как в прошлом году, пыхтя и грохоча сперва на весь двор, а затем и в подъезде, приволокла в квартиру дырявое старое корыто с мусорки, мечтая сделать из него диковинную лодку, на которых любили кататься в прудах сказочные принцессы, но суеверная сестра заставила нести старую рухлядь обратно на помойку.

Не отставая от Бакира, она перебежала через проспект и произнесла:

— А про старинные вещи, в которых может скрываться плохая энергетика от прошлых владельцев… ты же не знаешь, к примеру, кому принадлежала эта монета…

— Зибо́к! — вдруг резко остановился Бакир и, обернувшись к ней со злобным видом, будто собирался послать её куда подальше, просто спросил: — Ты не знаешь, а в нашем доме дали свет?

— Свет?.. — неуклюже улыбнулась Зиба, сбитая с толку, но, спохватившись, зарделась, смешно, по-доброму, хохотнула, изящным движением руки прикрывая рот, вновь сверкнула карими глазами и ответила вопросом на вопрос: — А что с ним — отключался?

— Ну да! — выпалил Бакир и раздражённо добавил: — Авария же в электросети приключилась! С шести часов света нет в доме! Ты что, не знала? Там ведь ещё эта… соседка в шляпе… наезжала на электромонтёров… орала на них за то, что они тормозили с ремонтом!..

— Какая авария, Ба́ка? Какие электромонтёры? Какие, к бесу хромому, неполадки в электросетях? — закатила Зиба свои красивые карие глаза и нахмуренно протараторила: — С чего ты вообще взял, что отключался свет?.. Я целый день дома была, сестру дожидалась, и всё это время было нормально!.. Ты что, Ба́ка, того — куку? Или сон какой видел? Тётю Фазилат ещё приплёл сюда! А, может быть, ты опять переиграл? Слышала я утром, как ты ругался за стенкой с бабушкой Мендеш… Опять торчишь по ночам за компьютером?

Последние слова, прозвучавшие из уст Зибы, произвели на Бакира ошеломительный эффект. Его надменная ухмылка с раздражительностью куда-то моментально исчезли, будто испарились в воздухе, как стремительно испаряются огромные лужи после ночного ливня в самый жаркий день. Он невольно сник, вспомнив о сегодняшнем обещании бабушки, уставшей от того, что он в последнее время её не слушается, пожаловаться за это отцу, и, втянув голову в плечи, побрёл дальше.

— Ба́ка! Бакир! — сменилась в лице Зиба. — Ну ты что, обиделся? Я ведь правду сказала — не отключали электричество в нашем доме!

Но Бакир не стал её слушать, наверное, вдоволь натерпевшись всяких странностей за сегодня, и, не медля больше ни секунды, рванул домой. Тем более вечер становился поздним. Должно быть, отец уже вернулся!

Глава 2. Возвращение отца Бакира из командировки

В доме вкусно пахло едой. Бакир разулся у порога и, стараясь не щёлкать замком, осторожно запер входную дверь и побежал на цыпочках по коридору мимо кухни в свою дальнюю комнату.

Мендеш, собиравшаяся осенью встретить шестой десяток, после трагической гибели невестки ровно два года назад не мешкая перебралась из Сарайшыка к своему сыну Мансуру в Алматы, помогать ему поднимать детей на ноги. И вот сейчас она заботливо хлопотала на кухне у плиты, готовила им ужин, ожидая сына к столу. В казанке что-то приятно, по-торжественному громко шкворчало и, видимо, поэтому она не услышала, как с улицы вернулся внук.

Мансур, похоже, в это время находился в ванной: оттуда раздавались звуки льющейся воды. Бакир едва обратил на это внимание. Он отвлёкся на хныканье маленькой Гули, раздавшееся из родительской спальни. Малышка уснула там на кровати после долгого дня, и, очевидно, ей теперь приснился плохой сон.

Бакир устремился к ней.

— Спи-спи, сестрёнка, я рядом, — бережно похлопал он её по ноге и тихо, по-матерински, пропел:

«Әлди, әлди, балашым (Баю-бай, мой ребёночек),
Әлдилейді анашың (Твоя мама тебя убаюкивает).
Бесігіңе жата ғой (Укладывайся в свою колыбельку),
Тәтті ұйқыға бата ғой (И погружайся в сладкий сон).
Әлди, әлди, әлди-ау (Баю-бай),
Әлди, әлди, әлди-ау (Баю-бай)…»

Вскоре из ванной вышел Мансур и, видимо, заметив в прихожей обувь сына, поспешил к нему.

— Сынок! — обнял он Бакира, который уже сидел в своей комнате. — Как же я по тебе соскучился!

Бакир прижался к отцу, обняв его в ответ, и Мансур продолжил:

— Ты знаешь… в последнее время… я много думал… и вот над чем…

Он говорил с паузами, словно старался подобрать нужные слова, чтобы донести до сына что-то важное. Но Бакир воспринял это по-своему: затих, тяжело вздохнув, втянул голову в плечи.

«Походу бабка Мендеш точно нажаловалась на меня отцу, — подумал он, приготовившись выслушивать родительскую тираду. — Только этого мне сейчас и не хватало!»

А Мансур просто улыбнулся мягкой, слегка виноватой и чуть усталой улыбкой и произнёс:

— Мы ведь давно никуда вместе не ездили. Вот, хотел предложить нам всем отправиться в конце следующей недели в Сарайшык. Как ты на это смотришь?

Бакир, не веря своим ушам, поднял удивлённый взгляд на отца. А ведь и вправду, он так очень давно не слышал от него подобных предложений, перестав даже надеяться, что когда-нибудь ещё им вместе удастся выехать в какую-нибудь археологическую экспедицию.

От радости у него перехватило дыхание. Пару секунд он просто стоял и, силясь что-то произнести в ответ, смотрел на отца — неужели настал тот долгожданный момент!

— В Сарайшык? — наконец переспросил он практически шёпотом, всё ещё не веря услышанному, вздохнул полной грудью и добавил, но уже чуть громче: — Серьёзно?!

Мансур ещё больше просиял в лице и закивал. На что Бакир, снова бросившись в его объятия, протяжно прокричал:

— Урр-рра-аа!

Но тут же, отстранившись от отца, он быстро обронил: «погоди-ка, сейчас кое-что покажу!» и рванул к полке над компьютерным столиком. Там, среди разных диковинных сувениров и старинных безделушек находилась доставшаяся ему в память от матери потрескавшаяся глиняная поделка в виде лодки, в которую он буквально минутой ранее положил свою серебряную находку.

— Ух ты! — искренне, даже как-то по-детски, удивился Мансур. — Так это же серебряный дирхем Тохтамыша! — и, принявшись разглядывать монету, добавил: — Так и есть! И между прочим, весьма и весьма редкий экземпляр. О таком в научной среде мечтают многие, но они редко кому попадаются на раскопках… Но где ты его нашёл?

— На школьном участке, — произнёс Бакир самодовольно — не ошибся, когда говорил Зибе, что монета золотоордынская. — Лежала на земле недалеко от беседки, где мы тусуемся с ребятами.

При этом он ткнул указательным пальцем в монету и важно заметил:

— Кстати, видишь, вот тут, выбоину? Похоже, от пули. Вот тут, видишь?

— Да, да, вот, вижу, — взволнованно закивал Мансур и задумчиво протянул: — Интересно, интересно… а как она могла оказаться там?

— Сам задаюсь этим же вопросом, — пожал плечами Бакир и логично допустил: — Может быть, кто-то когда-то обронил её там?

— А кто? И когда? — в той же задумчивости постучал Мансур кончиками пальцев по подбородку.

Он весело подмигнул Бакиру и произнёс:

— Но ты молодчик! Ты просто молодчина, сынок! Если это и в самом деле подлинник, то эта монета стоит целое состояние!

Бакир пуще прежнего засиял от радости, начав уже прикидывать в голове, сколько он сможет выручить за неё, чтобы хорошо вложиться в крипту, и Мансур, глядя на него, с воодушевлением продолжил:

— Нужно, конечно же, очистить дирхем от грязи и окиси, как положено взвесить, замерить. Да и вообще, по-хорошему не помешало бы отнести его ко мне на работу, в лаборатории нашего института окунуть в химикаты, обдать, как следует, электролизом… так сказать…

Бакир недовольно поморщился. Неужели нужно будет ещё и на всё это тратить драгоценное время! Ему меньше всего хотелось заниматься всякими там лабораторными чистками, анализами и исследованиями. Почему нельзя просто отмыть монету в воде из-под крана — с обычным мылом — и, поскорее узнав её реальную стоимость, продать какому-нибудь коллекционеру? Естественно, как можно дороже! Но, с другой стороны, раз уж отец, знающий в этом деле толк, говорит, что так надо, значит так надо — он просто не мог не доверять ему!

Мансур же, не переставая вертеть монету в руке, сказал:

— Вот тут, на аверсе, видишь, написано: «Хан Тохтамыш. Да продлится его правление». А на реверсе, к сожалению, из-за этой несуразной выбоины только год чеканки можно более-менее разглядеть. И, кажись, это год 790-й по мусульманскому летоисчислению…

Он снова постучал пальцами по подбородку и добавил:

— Если я не ошибаюсь, то в переводе на григорианский календарь это будет 1388 год нашей эры… Время правления Тохтамыша, когда Золотая Орда ещё была могущественным государством, а сам хан находился в зените своей власти…

Продолжая слушать отца, Бакир подумал с заметным изумлением в глазах:

«Мамма Мия! Вот я тугодум, однако! Сам говорю за четырнадцатый век, а сам только-только допёр до того, что моему серебряному дирхему-то, оказывается, больше шестисот лет! А ведь чем старше монета, тем выше её стоимость! Эта должна стоить немыслимых денег!»

— Пап, — вдруг вежливо перебил он отца. — А откуда ты знаешь, что этот дирхем редкий и бесценный?

Мансур задумался, держа монету в ладони, словно на чаше весов, и проговорил:

— Заметил, какой увесистый этот дирхем?.. или драхма, если по-гречески. Думаю, он весит не меньше двадцати граммов. А за это его можно назвать гигантом среди дирхемов. Царём или ханом над всеми ними! Это как современные коллекционные монеты из драгоценных металлов, которые ограниченными тиражами выпускает нацбанк. Вот, в золотоордынскую эпоху, особенно в годы правления хана Тохтамыша, чеканились подобные серебряные дирхемы… для узкого круга людей, конечно же, и водились они лишь у богатой знати, среди известных в огромной степи биев и военачальников и, возможно, у отличившихся в кровопролитных боях храбрых воинов и отважных батыров. Такими, скажем, «памятными монетами» награждались лучшие из лучших… и поэтому в наши дни такой серебряный дирхем мечтают найти многие мои коллеги-археологи… да что там коллеги, учёные с мировыми именами мечтают об этом! Сколько раскопок и средневековых городищ было объезжено и изучено на всём Шёлковом пути, но редко, очень редко подобные монеты попадаются на глаза нам, археологам… а тут раз — и подросток, находит его в обычном алматинском школьном дворе...

Явно распираясь от гордости за сына, Мансур громко расхохотался, наверное, представив изумлённые лица тех самых учёных с мировыми именами, и, вдруг враз сделавшись сосредоточенным, продолжил:

— А вообще я понимаю, к чему ты клонишь, сынок, со своим вопросом. И по этому поводу я думаю так!.. В первую очередь данный дирхем может относиться к культурной (археологической) ценности. А это значит, что по закону ты обязан передать его в собственность государства…

Услышав эти слова, Бакир резко сник — неужели его план обменять старинную монету на крипту провален! — но всё же продолжил слушать отца.

Мансур глянул на него и, улыбнувшись по-доброму, с пониманием добавил:

— Но есть в этом и хорошая новость! Ведь лицо, обнаружившее такую ценность, имеет право на получение вознаграждения в размере до пятидесяти процентов от её стоимости… но нужно будет обращаться к специалистам-оценщикам, нумизматам и всё подробно и детально у них уточнять… так как в этом я, к сожалению, уже не силён.

Бакир повеселел и, резво вскочив с кровати, на которую они с отцом уселись в ходе разговора, произнёс:

— Ну а всё-таки, если говорить навскидку, то сколько бы ты отдал за этот дирхем?

— Хм, — озадаченно хмыкнул Мансур, немного подумав, ответил: — Хотя монета очень и очень редкая, трудно так сразу назвать ее реальную цену. На ней имеются механические дефекты, множество царапин и сколов… и да, эта безобразная, но загадочная выбоина… то ли от пули, то ли ещё чёрт его знает от чего…

Мансур ненадолго умолк, словно размышляя, а затем добавил:

— Хотя кто знает, кто знает, может оказаться и так, что эта выбоина несёт в себе столько истории… столько невероятно богатой истории и информации — понимаешь? — что от этого твоя находка станет только дороже… такое тоже бывает… крайне редко, но бывает… в общем, будем выяснять…

Он снова посмотрел на сына с гордостью в глазах и, похоже, снова собирался расхохотаться, но Бакир, опередив его, спросил:

— А если бы ты когда-нибудь нашёл ту золотую лодку… ну помнишь, ты рассказывал, которая принадлежала ханской дочери, но до сих пор её никому не удавалось найти… ты бы мог запросить за неё свою долю?

Лицо Мансура вдруг сделалось печальным, словно он вспомнил о чём-то своём, о сокровенном, чем, очевидно, никогда не делился с сыном; и, как-то торопливо пожав плечами, ответил:

— Не знаю, я как-то об этом не задумывался…

— Эх, — весело вздохнул Бакир, не обращая внимания на внезапно сменившееся настроение отца, и тут же выпалил:

— А всё-таки, согласись, что было бы здорово найти её однажды на раскопках! Интересно, во сколько бы её оценили специалисты?.. — но, враз осёкшись, восторженно заметил: — А с другой стороны, зачем её оценивать-то, когда можно ведь сразу воспользоваться, чтобы попасть в прошлое и спасти маму!..

Мансур собирался сказать ещё что-то, но, увидев появившуюся в дверях комнаты бабушку Мендеш, тут же умолк.

Бабушка сняла через голову передник и, складывая его в руках, мягким, но строгим голосом проговорила:

— Мансур, Бакир, вы скоро? Зову-зову вас, а вы не слышите! Идите есть, еда же стынет!

Мансур весело кивнул ей и, положив руку на голову сына, ласково потрепал его тёмные волосы.

— Поздравляю тебя с отличной находкой! — пожал он ему руку и, вернув монету, предложил: — Если не против, давай сейчас поужинаем и будем отдыхать. Сам понимаешь, я с дороги и порядком подустал. А завтра утром не спеша всё с тобой обсудим и посмотрим, что делать нам с дирхемом дальше. Ну и с выбоиной разобраться тоже не помешает — от пули это, как ты говоришь, или от чего ещё.

Бакир не стал спорить, положил монету на место и поспешил за ним на кухню.

Глава 3. Поздним вечером в комнате Бакира

Бакир лежал в постели и, хотя глаза периодически слипались, долго не мог уснуть. Впервые за долгое время он с теплотой подумал о бабушке Мендеш, о её вкусном ужине, празднично накрытом столе, о довольном отце, сидевшем вместе с ними и рассказывающем о своей командировке.

Около двух недель его не было дома. И всё это время он колесил с киргизскими коллегами по малоизученным ответвлениям Великого Шелкового пути, пролегавшим по северным берегам озера Иссык-Куль. Богатой истории там, как и в других частях Казахстана и Центральной Азии, предостаточно!

Вот Бакир, подумав об этом, мигом перескочил с мыслями обратно на кухню, где они все вместе сидели за ужином, а его отец оживленно делился с ними своими познаниями об истории.

— Представьте себе, только лишь в средние века, с тринадцатого по четырнадцатый, если быть точнее… — проговорил он, обводя оживленным взглядом своих родных, сидевших вместе с ним за кухонным столом, и одновременно с этим намазывая столовым ножом кусочек сливочного масла на хлеб. — …Эти земли принадлежали правителям Чагатайского улуса, тюрко-монгольского государства, в котором однажды в 1336 году появился на свет знаменитый эмир Тимур или, как его ещё называют, Тамерлан… Думаю, вы прекрасно знаете про такого!.. Хотя, если быть точнее, то родился он в селении Ходжа-Ильгар близ города Кеш, который ныне называется Шахрисабзом… это город в Узбекистане…

Намазав масло на хлеб, Мансур с аппетитом надкусил свой незатейливый бутерброд и аккуратно, но весело помахал перед собой ножом, словно средневековый боевой всадник мечом, и продолжил:

— Эмир Тимур, как нам известно, был одним из величайших военачальников и тактиков в истории человечества, непобедимым и грозным полководцем, стремившимся возродить всемирную славу монголов. А его методы завоеваний местами превзошли даже действия самого Чингисхана!

Бакир, внимательно слушая отца, неспешно поедал вкусное жаркое, заботливо приготовленное бабушкой. Мендеш же немного завозилась с Гулей, поправляя на ней слюнявчик, и он отвлекся на них. Мансур воспользовался коротким тайм-аутом и снова впился зубами в бутерброд с маслом. Затем он сразу же отправил пару ложек жаркого себе в рот, тщательно прожевав пищу, отхлебнул слегка остывший чай из чашки и, вернув её обратно на стол, снова оглядел своих и, ласково по-отечески улыбнувшись, заговорил дальше.

— Ну так вот! — привлек он внимание сидевших за столом. — А спустя немногим больше тридцати лет после своего рождения эмир Тимур уже руководил масштабными военными кампаниями в разных частях света… ходил он в походы против мамлюков в Египте и Леванте, против турков-османов в Османской империи, против туглакидов в Делийском султанате и против золотоордынцев в центральной Евразии… одни только крупные сражения эмира Тимура с ханом Тохтамышем, прошедшие между ними в 1391 и 1395 годах, повлияли на дальнейший ход истории всего Евразийского континента…

Мансур, несмотря на усталость, говорил практически беспрерывно. Видно было, что его очень сильно вдохновляла эта тема. Однако и голод брал свое, и он успевал между предложениями отправлять еду в рот и, опять же быстро, но тщательно прожевывая её, дополнять дальше.

— Многие современные историки, — продолжал он. — Впрочем, как и я, уверены, что удар эмира Тимура в те годы для Золотой Орды стал роковым. Хотя так однобоко судить тоже будет не совсем верно: много других факторов, конечно же, повлияло на распад и гибель средневекового государства. Те же, скажем, междоусобные войны, длившиеся долгими годами,

социально-экономические и политические кризисы — все это в той или иной мере вело средневековое государство к неизбежному краху… Но, в целом, как это происходило и до Золотой Орды, и после неё со всеми известными нам империями в истории человечества… Что поделать? Такова селяви…

— Пап, — вежливо перебил его Бакир, дотронувшись до его руки. — А расскажи нам, пожалуйста, о каком-нибудь интересном случае из жизни эмира Тимура. Он делал что-нибудь необычное, крутое?

— Конечно! — радостно подхватил Мансур предложение сына. — Возьмем, к примеру, его знаменитый поход на Индию! Историю про слонов и горящих верблюдов слыхали?

— О, классно, давай! — всерьез заинтересовался Бакир, восторженно подняв руки вверх, и, пуще прежнего просияв в лице, окинул взглядом бабушку Мендеш, также внимательно слушавшую рассказ сына, и маленькую сестренку, мило улыбнувшуюся ему в ответ, как только он на неё посмотрел, будто она что-то во всем этом понимала. — Про горящих верблюдов я никогда не слышал!

— Правда, это больше байка, чем вымысел... — поспешил признаться Мансур. — По крайней мере в серьезных источниках информации об этом нет, но послушайте хотя бы в качестве мифа — во времена Тимура такие заставляли врагов бояться его еще больше!

Сказав об этом, он принялся за свой рассказ.

— Это случилось в 1398 году. Железному и неутомимому завоевателю эмиру Тимуру стукнул тогда шестьдесят второй год, когда он повёл своё войско в далёкую Индию. Тогда никто и представить-то не мог, каким странным выдастся там один из боёв. Индийские воины, защищая свой город Дели, встретили их, выстроившись перед ними в сверкающих доспехах. Первыми рядами стояли огромные боевые слоны, словно живые танки, облаченные в тяжелую панцирную броню. Бивни боевых гигантов были украшены железными наконечниками, а их огромные уши и туловища укрыты большими чеканными пластинами; на их покатых спинах восседали лучники...

Бакир слушал разинув рот, не шелохнувшись. Мансур увлеченно рассказывал дальше. Он уже не просто говорил, а словно разыгрывал перед сыном целое сражение. Придвинув к себе тарелки, он расставил их на столе.

— ...Земля задрожала, как только слоны двинулись на армию Тимура, которая во многом состояла из всадников на лошадях и верблюдах.

Мансур указал на тарелки:

— Вот здесь Дели, а здесь войско Тимура. И вот на них надвигаются слоны!

Он поставил рядом перечницу и солонку, изображая ими боевых слонов, а затем придвинул к ним остальные предметы.

— Несмотря на то, что его воины ощущали неимоверную усталость от изнурительных перевалов по горным дорогам и от промежуточных сражений и боевых потерь, они были готовы ко всему. Но эмир Тимур, увидев надвигавшееся на них грозное воинство во главе со слонами, не отступил, не дал отступить и своей армии, и применил тактическую хитрость. Он слышал о том, как эти страшные слоны растаптывали в прошлых сражениях чужеземных воинов, и решил обернуть их же силу против них самих. По его приказу к передовым рядам подвели сотни верблюдов, навьюченных хворостом и сухой соломой. Когда бой начался, солому с хворостом подожгли. Пламя вспыхнуло, ветер понёс жар к врагам, и вскоре по полю понеслись пылающие животные, словно живые факелы. Испуганные огнём и болью верблюды бежали вперёд, вызвав панику у слонов, которые, в свою очередь, обратились вспять и принялись сметать собственные ряды, топтать своих же солдат...

Мансур глотнул чай, сделав небольшую паузу, и, немного подумав, продолжил:

— Как и в предыдущих завоеваниях, этот бой стал очередной триумфальной победой для эмира Тимура. Однако он не планировал оставаться в Индии или управлять её землями.

Он прошелся дальше на восток, прошёлся по её городам и деревням, оставляя за собой огонь и разрушение, а Дели успел превратить в пылающую пустошь. Несколько дней его армия гремела клинками и топтала улицы, пока каждый уголок города не стал тенью былого величия. А после эмир Тимур собрал все сокровища, захватил пленников — мастеров, ремесленников и красивых женщин — и повернул обратно к своему родному Самарканду. Люди же и земли Делийского султаната были оставлены на произвол судьбы, среди анархии, хаоса и чумы...

На этом месте Бакир, лёжа в постели, крепко зевнул. Он отвлёкся от истории про слонов и горящих, как факел, верблюдов. Поток мыслей прервался. Но чуть погодя перед ним возник образ мамы, и он отчего-то сразу вспомнил слова отца о том, что дорога из Алматы до тех исторических мест у Иссык-Кульского озера на машине занимает шесть часов — пятьсот километров. А ведь это та самая автомобильная трасса, пролегавшая через Кордайский перевал, по которой они ехали всей семьёй два года назад, когда случилась та проклятая авария и погибла его мама. И как бы Бакир ни старался тогда, за ужином, не вспоминать об этом, не бередить душу страшным воспоминанием, сейчас оно снова накрыло его с головой...

А ведь отец ездил туда в командировку на своей машине, по той самой дороге! Каково же ему было вновь проезжать эти места, связанные с такой страшной трагедией?! И, наверное, поэтому по возвращении домой он чувствовал себя не столько уставшим, сколько грустным и подавленным. Но, несмотря на своё состояние, он всё же нашёл время для семьи: сидел с ними рядом за неспешным ужином, делился интересными рассказами и историей… И ах да, точно! Отец ведь, рассказывая им об этой трассе, о живописном Кордайском перевале, об удивительных горах и склонах, покрытых скалами и степными травами с разноцветными цветами, старался шутить и смеяться. Но едва заметная грусть всё равно не сходила с его лица…

С этими мыслями Бакир стал погружаться в дрему, но вдруг от чего-то дернулся, сон будто покинул его на секунду, и он вновь подумал об отце. На это раз он вспомнил их разговор в комнате, когда они вместе рассматривали серебряную находку и строили планы на завтра. Бакир, то ли в полудрёме, то ли уже во сне, размышлял, с чего лучше начать изучение дирхема. В какой-то момент он даже увидел перед собой отца и собирался поделиться идеями, но мысль вдруг перескочила на аварию в электросети, а со двора ему отчётливо послышалась яростная ругань пожилой женщины, имя которой он никак не мог вспомнить. Он улыбнулся сквозь сон, радуясь, что не остался дома, а пошёл на школьный двор.

«А бабка Мендеш, оказывается, не заложила меня! — повернулся он к стене, за которой, в соседнем подъезде, жила Зиба. Пока окончательно не уснул, успел мысленно скорчить ей смешную рожицу. — Так что расслабься, Зибóк!»

Из спальной комнаты донеслось легкое похныкивание Гули, за которым последовало сонное убаюкивание бабушки Мендеш. Но вскорости всё стихло, и квартира погрузилась в тишину.

Бакир уже мирно сопел на боку, как вдруг что-то с гулким звоном упало с полки на компьютерный стол, зазвенело по полированной поверхности и затихло. Он вздрогнул, приподнял голову и посмотрел в темноту. Там, откуда донеслись странные звуки, смутно виднелся чей-то силуэт. Решив, что померещилось, он приподнялся и вгляделся — на расстоянии пары метров сверкнули два зловещих огненных глаза.

— А-а-а!.. — почти оцепенев от страха, Бакир швырнул подушку в темноту и вскочил с кровати. Он ринулся в коридор и не заметил, как тёмный силуэт метнулся светящейся вспышкой вниз. — А-а-а!.. Помогите-е-е!.. Там кто-то есть!..

На крики из гостиной выбежал заспанный Мансур в одних пижамных штанах. Из спальни, запахивая на ходу халат поверх ночнушки, показалась встревоженная Мендеш. Оба бросились к Бакиру.

— Сынок! — Мансур схватил его за плечи и встряхнул, бросив обеспокоенный взгляд на раскрытую дверь комнаты. — Что случилось? Кто там?

— Мансур, подожди, — мягко одёрнула его Мендеш. Она обняла внука и начала гладить по голове. — Успокойся, мой родной, просто приснился плохой сон. Ничего страшного…

Но Бакир всё ещё указывал в сторону комнаты, куда уже направился Мансур:

— Нет… там глаза… страшные глаза… они смотрели на меня!

Мендеш крепче прижала внука, сама выдавая лёгкую панику дрожью в голосе:

— Прошу тебя… успокойся… тебе это приснилось… всё хорошо…

Постепенно Бакир начал стихать.

Мансур же, ворвавшись в комнату, включил свет и осмотрелся. Окно было плотно закрыто, за занавесками никого, да и вообще всё выглядело обычно. Тишину нарушало лишь лёгкое шуршание кондиционера над компьютерным монитором.

Он пожал плечами и заметил на полу серебряный дирхем. Устало зевнув, поднял монету.

В этот момент в комнату вошли Мендеш с Бакиром. Уложив внука в кровать, она сказала:

— Побудешь рядом, пока он окончательно не успокоится?

Мансур кивнул и положил дирхем на место. Услышав из спальни плач маленькой Гули, Мендеш поспешила к ней.

Бакир посмотрел на отца, присевшего с краю постели, смущенно улыбнулся и произнес:

— Пап, можешь идти к себе. Я в порядке.

Привычным жестом Мансур положил руку на голову сына и, молча потрепав его волосы, вышел из комнаты.

Проводив взглядом отца, Бакир остался лежать в кровати и подумал:

«Чего я вообще испугался? Я ведь не верю в привидений… чёрт, как же стыдно перед родными. Такой взрослый, а кричал как девчонка!»

Бакир на всякий случай бросил косой взгляд в темноту — туда, где недавно ему привиделся чей-то силуэт — и продолжил мысль:

«Мне, наверное, не поверили и теперь считают трусом. Но посмотрел бы я на них, когда они увидели эти глаза!»

Он долго не мог уснуть: лежал, терзая себя изнутри. Но под утро, похоже, приняв всё-таки произошедшее за обычный кошмар, стал практически забывать о страшных глазах и провалился в сон.

Глава 4. Тревожное известие

Наступило 14 апреля 1395 года. С той неспокойной ночи, когда Енлик жутко лихорадило, бросая то в холод, то в жар, прошло больше недели. Вероятно, это был пик болезни маленькой девочки, с которой её матери удалось справиться благодаря молитвам и целительским способностям. И как бы душераздирающе ни выла в ту ночь собака, как бы ни свирепствовала за окном непогода, Ирада, отвергнув все суеверия, до последнего верила: её дочь выкарабкается и справится с тяжёлым недугом.

И малышка действительно поправилась, хотя ещё была заметно слаба. Она сидела на дощатом топчане у дома и, изредка поглядывая на мать, радостно суетившуюся на приусадебном дворе, неспешно раскладывала рядом с собой на расстеленном одеяльце самодельных тряпичных кукол.

День выдался тёплым и солнечным. Лёгкий весенний ветерок, задувая откуда-то с юга, приносил из степи благоухание разнотравья. Слышалось озорное щебетание воробьёв, прыгавших на верхушке глинобитного забора, что глухой стеной огораживал владения покойного Кошимбая. Прямо через дорогу с ним соседствовал караван-сарай. Из распахнутых ворот постоялого двора, сквозь недовольный рёв навьюченных огромными тюками верблюдов, доносились громкие, взволнованные голоса караванщиков, будто там назревала серьёзная ссора.

Но мать Енлик, казалось, не обращала внимания на шум. В приподнятом настроении, с раннего утра погрузившись в дела, она хлопотливо бегала между домом, двором и подсобным хозяйством. Периодически отвлекалась на дочь — дотронуться до её лба, наскоро накормить, напоить водой или просто поцеловать.

Закончив со стиркой, Ирада подошла к Енлик, как вдруг в деревянную дверь калитки раздались два отрывистых стука, за которыми последовали жалобные оклики:

— Ирада-бахсы! Ирада-бахсы! Душенька моя! — запричитал кто-то с улицы почти навзрыд хриплым старческим голосом. — Ох и плохо мне! Ох и худо мне! Ох-ох, доченька, совсем худо! Ох, голова раскалывается, худо мне!..

— Тётушка Хадия! Вы ли это? — замерла Ирада и тут же бросилась к калитке.

Откинув кованый засов, она распахнула тяжёлую дверь и увидела пожилую соседку, лежавшую на земле едва живой.

— Тётушка Хадия, о боже, что с вами? — вскрикнула Ирада и опустилась рядом с ней на колени. — Погодите!

Она приподняла голову соседки и стала поддерживать её руками.

Через пару минут тётушка Хадия, отчего-то протяжно ухнув, как старый филин, что однажды прошлой зимой засел на минарете городской мечети, тяжело вздохнула и открыла глаза.

— Как вы, тётушка Хадия? — ласково спросила Ирада. — Вам стало лучше?

Соседка часто заморгала, будто пытаясь вспомнить, что произошло. Не дождавшись ответа, Ирада добавила:

— Вам нужно прилечь поудобнее… Давайте ко мне на топчан. Сможете встать сами?

Но у тётушки Хадии не было сил отвечать. Ирада живо поднялась, подхватила грузную пожилую женщину под руки и, пыхтя от усилий, поволокла её через двор.

Ещё через пять минут тётушка Хадия уже лежала на спине на краю топчана. Ирада, чуть отдышавшись, села у изголовья, положила обе ладони на её голову и начала нашёптывать что-то себе под нос. Сначала тихо, затем всё громче, с жутким придыханием, словно заклинание.

Енлик тихо присела сбоку от матери и с любопытством наблюдала.

Ирада, нашептывая слова, все глубже погружалась в целительный ритуал. В один момент показалось, что над ними образовался еле заметный глазу полупрозрачный купол, внутри кото-

рого воздух словно делался густым и тягучим, а их движения, если и возникали изредка, то были замедленными. Но вот полупрозрачный купол вдруг расширился — густой и тягучий воздух принялся окутывать собою весь двор, — заставив умолкнуть на время щебетавших на заборе воробьев. И даже с внешней стороны двора, похоже, всё погрузилось в тишину — перестали раздаваться оттуда рев навьюченных верблюдов и громкие голоса караванщиков.

Но вскоре всё стало как прежде, и привычные слуху звуки возобновились. Тётушка Хадия снова открыла глаза. Теперь по её взгляду было ясно: она почувствовала неимоверное облегчение.

— Ирада-бахсы, — заморгала она, как тот самый филин, и принялась вставать. — Спасибо тебе моё великодушное, Ирада-бахсы! Ох, если бы не ты, лежала бы я уже в сырой земле!

Она уселась на край топчана и, найдя глазами свои потёртые, запыленные сафьяновые туфли, лежавшие перед ней на земле, потянулась к ним ногами.

— Не болейте, — устало улыбнулась Ирада. — Живите долго нам на радость.

Тётушка Хадия молча обулась и, наконец обратив внимание на Енлик, пообещала позже занести ей жареные в масле лепешки с медом. Неспешно зашагала прочь, а Ирада проводила её до калитки.

Соседка, чуть задержавшись у выхода, подняла руки к небу и, словно от имени всех, кто знал о целительских способностях Ирады, произнесла:

— Ирада-бахсы, тебя нам сам Всевышний послал!

— Ну скажете тоже… Всевышний! — зарделась Ирада и, будто в благодарность, приобняла пожилую соседку.

Но тётушка Хадия подняла костлявый указательный палец вверх и с лёгкой обидой прохрипела:

— Зря ты так говоришь, дорогая моя соседушка. У тебя ведь явный дар от Него!

Наверное, тётушке Хадие, сделавшейся на мгновение недовольной, показалось, что Ирада пренебрежительно относится к её словам, будто не доверяет ей и, что хуже, не принимает свои способности всерьёз.

Но Ирада ничего не ответила соседке. Она лишь снова прижалась к ней и с наигранным укором произнесла:

— И потом, я же просила вас не называть меня бахсы. Ну какая из меня шаманка? Я ведь и на кобызе играть не умею… просто обыкновенная знахарка.

Тётушка Хадия лишь покачала головой, но вдруг, будто вспомнив о чём-то, хлопнула себя по лбу и проговорила:

— Что это я, дура старая, не сказала тебе о главном… Говорят, эмир Тимур обогнул Каспий с юга и разбил войска нашего хана Тохтамыша, а потом направил свои несметные полчища на золотоордынские города…

— А-то я думаю, что за суета с раннего утра на улице! — встревоженно перебила её Ирада.

— Проклятый хромец, что же он удумал! — недовольно прохрипела тётушка Хадия и, выйдя за калитку, яростно сплюнула под ноги. — Чтоб ему пусто было!

— А как же ваш младший, тётушка Хадия? — спросила Ирада — Где он сейчас?

— Вот уже который месяц не появлялся дома… Как ушёл в боевое охранение на дальние границы, в Северный Кавказ… — тяжело вздохнула она. — Переживаю очень… Со вчерашнего вечера молюсь, не переставая, за него!.. Жив ли он еще?..

От этих слов Ирада не задумываясь схватилась за висевший у неё на шее серебряный дирхем-амулет, крепко сжала его в кулаке и растерянно посмотрела вслед пожилой соседке, удалявшейся к своему дому.

Глава 5. Монета-призрак

Разжав кулак и глянув на серебряный дирхем, Бакир сонно потёр глаза и, стараясь не вспоминать о ночном кошмаре, улыбнулся. Он проснулся минутами ранее и, ещё не умывшись, но уже одевшись, сразу ринулся к монете. И теперь, стоя с растрёпанными волосами у компьютерного стола, весело перекладывая дирхем из одной ладони в другую, подумал о том, что сегодня ему не нужно идти в школу — первый понедельник летних каникул! — а вместо этого он отправится к отцу на работу.

Он сунул серебряный дирхем в карман и поспешил в ванную.

После завтрака Мансур повёл Бакира к себе на работу. Институт археологии им. А. Х. Маргулана располагался недалеко от их дома. Минут через пять неспешного шага они уже зашли внутрь здания и первым делом, поднявшись на второй этаж, направились к руководителю Мансура — заведующему отделом средневековой археологии, который по совместительству возглавлял лабораторию археологических исследований.

Мансур, велев сыну дожидаться его в коридоре, зашёл в кабинет завотделом.

— Ассалаумағалейкум, Басеке́![4] — поздоровался он по-казахски с начальником, который был старше его лет на пятнадцать, а может, и больше. Сев за стол-приставку, протянул ему серебряный дирхем.

— Мощненькая монетка! — по-свойски оценил дирхем завотделом и живо поинтересовался: — А откуда она у тебя?

— Сын нашел, — признался Мансур и восторженно добавил: — На своем школьном дворе, представьте!

— Ничего себе! Молоток какой, однако! — неподдельно удивился завотделом и спросил: — А где он сам? Где твой Бакир? Надеюсь, не за дверью оставил его стоять-дожидаться, а?

— Не беспокойтесь, Басеке́, — поспешил заверить его Мансур. — Молодой ещё, постоит, подождёт. Да и вообще, мы ведь с ним не собирались сильно отвлекать вас от работы.

— Ну хорошо, хорошо, — по-доброму, как-то даже по-отечески улыбнулся завотделом и, снова повертев монету в руке, разглядывая её с нескрываемым любопытством, спросил: — А не монета-призрак ли она? Слыхал, наверное, что есть такая, скажем так, совершенно особая категория объектов нумизматического исследования? «Монета-призрак»…

Мансур недовольно цокнул языком и оскорбленно опустил голову, демонстрируя всем своим видом: «ну, конечно, слыхал, обижаешь, начальник!». Но, словно враз опомнившись, он тут же собрался на стуле, выпрямил осанку и, положив руки перед собой, внимательно посмотрел на Басеке́.

Завотделом заговорил дальше спокойным голосом:

— Термин этот неофициальный, больше профессиональный жаргон, но прижился крепко в нашей отрасли. Им обычно называют такие экземпляры, существование которых, во-первых, предполагается по письменным источникам, описаниям, хроникам, каталогам, либо, что во-вторых, зафиксировано в старых коллекциях, публикациях или ошибочных записях. Но реальных экземпляров таких монет в наши дни не находили, ну или достоверность находок вызывает большое сомнение...

Он ненадолго замолчал и, потерев в задумчивости свои сильные, навсегда загорелые после множества раскопок руки археолога, добавил:

— Говоря другими словами, это такие монеты, существование которых не подтверждено археологически или нумизматически, но которые по разным причинам упоминаются в литературе прошлых времен...

---

[4] Разговорно-уважительная форма обращения к начальнику, происходящая от казахского слова “баст*ы*к” – начальник.

Басеке́ снова замолчал. В кабинетном воздухе сгустилась тишина, словно невидимым куполом нависнув над ними, и завотделом снова принялся потирать в той же задумчивости руки.

Но пауза стала немного затягиваться.

Мансур нетерпеливо заерзал на стуле и, снова глянув на наручные часы, вдруг спешно заговорил, наверное, решив таким образом поторопить своего начальника.

— Так ведь это должно быть известно любому мало-мальски уважающему себя историку, — протянул он негодующе, нарушая кабинетную тишину. — В конце девятнадцатых — начале двадцатых веков европейские нумизматы создавали каталоги античных и средневековых монет...

Но Басеке́ недослушал Мансура, как-то ревностно перебив его, наверное, от того, что сам намеревался произнести эти слова, и выпалил с возмущением:

— А ты хоть знаешь, как стали появляться-то такие монеты-призраки? А появляться они стали из-за ошибок при чтении монограмм и легенд, неправильной атрибуции, при фальсификации или выдумках коллекционеров прошлых веков, ну или при утрате единственного известного экземпляра без фото или слепка...

— Ну, Басеке́, ну вы уж совсем опустили меня в своих глазах! — перебивая, нетерпеливо вклинился в его речь Мансур, невольно создавая классическую атмосферу разгоряченной дискуссии между учеными, обсуждающих насущную тему. — Вы, наверное, всё-таки думаете про меня, что я ни черта в этом вопросе не разбираюсь? А я знаю! Я знаю! Вот, к примеру, продолжая вашу мысль, скажу, что такую монету могли попросту приписать не тому правителю... и такое, как ни странно, случалось раньше... Иногда ведь достаточно было одной неверно прочитанной буквы в легенде, чтобы всё пошло вкривь и вкось — и новый хан появлялся из воздуха, утрированно говоря, конечно же. Или, скажем, какой-нибудь безалаберный копиист в каталоге перепутал строчки — и вот тебе новый тип монеты, которую никто никогда не держал в руках. А потом другие начинают ссылаться на это всё, и уже вроде бы как целая традиция выстраивается. Правда, вот, не знаю, какое наказание ожидало того, кто допускал подобные оплошности... но думаю, что оно для него было неизбежным...

Завотделом вдруг откинулся на спинку кресла, с неким упоением на лице уронил свои тяжелые руки на подлокотники и, глядя на ретивого подчиненного, искренно хохотнул, наверняка уловив возникший между ними тот самый дух старых и добрых научных диспутов. Но вдруг его лицо снова изменилось. Он вновь посмотрел на Мансура, как-то по-отечески, по-доброму, с заметной теплотой во взгляде, возможно, даже с уважением к нему, как к своему боевому товарищу и сподвижнику, и продолжил:

— Ну ладно про европейцев... нас ведь все-таки интересует золотоордынская нумизматика!.. И в ней, как ни странно, тоже такое встречается! Ранние исследователи отмечают несколько категорий “призрачных” дирхемов: монеты с легендами ханов, известных только по письменным источникам, но без реальных находок, ошибочные описания из старых коллекций, где, вероятно, была допущена неверная атрибуция или ошибка чтения легенды... к примеру, не дословно, но по сути, “дирхем, чеканенный в городе Сарайджук, с именем Тохтамыша”, упомянутый в ранней литературе, но ни одного достоверного экземпляра не найдено... или легенды из каталогов типа “монета Сарайджука с именем неизвестного хана”, которые могли быть результатом фальсификации или неправильной реставрации... в общем, как бы то ни было, нужно быть предельно осторожным... нельзя без проверки принимать упоминания старых каталогов за факт их существования... согласен, надеюсь, со мной?

— Я полностью с вами согласен, Басеке́, — проговорил Мансур, на этот раз мягко и тактично. — Я вот тоже так подумал, как только глянул на этот дирхем… поэтому хочу всё тщательно проверить, изучить…

— Молоток, поддерживаю! — похвалил его завотделом, выпрямившись в кресле, и спросил: — Но ты уверен, что это не банальная фальшивка?

— Нужно проверить, уважаемый Басеке́, нужно проверить, — повторился Мансур и тут же произнёс: — Но без вашего разрешения я не смогу этого сделать. Нужен допуск в нашу лабораторию.

Согласившись с просьбой подчинённого, завотделом быстро связался по телефону с лабораторией и, поручив им помочь коллеге, вернул телефонную трубку на место и принялся раздавать чёткие указания Мансуру.

— В общем так! — опять он выставил над столом свои руки матерого археолога, но на это раз начал ими жестикулировать в такт произносимым словам. — Сначала пусть как следует, но очень аккуратно, очистят монету от грязи и окиси. Лично проследи, чтобы не тёрли жёсткой щёткой, работали только в хлопчатобумажных перчатках и не применяли агрессивную химию. Монета требует крайней осторожности, чтобы избежать малейших повреждений. Понял меня, надеюсь? Лично проследи!

Мансур кивнул и произнёс учтиво:

— Хорошо, Басеке́. Принято, всё сделаем как надо!

— Ладно, — успокоился завотделом. — Ты парень с головой, за что я тебя и ценю. И без меня прекрасно знаешь, что там да как.

***

Пока Мансур был в кабинете начальника, к Бакиру в коридоре подошёл невысокий, слегка полноватый, светловолосый мужчина средних лет.

— Бакир! — произнёс он с заметным удивлением и тут же тепло и как-то осторожно улыбнулся. — Бакир же, верно? Это ты? Я Баубек, дядя Баубек. Нуржанов моя фамилия. Слыхал про такого? Друг детства твоего папы…

Бакир смущённо кивнул, пытаясь вспомнить, где видел этого человека раньше. Но в голову, как назло, ничего не приходило. Он опять смутился, почувствовав, как в животе почему-то неприятно засосало.

— Давненько тебя не видел, ты так вырос, вытянулся! — произнёс Баубек с какой-то скупой радостью в голосе и добавил: — Прямо становишься точь-в-точь похожим на папу. Только глаза как у…

Он вдруг осёкся и, прищурившись, вкрадчиво спросил:

— А ты что тут один стоишь? Папа у Басеке́, что ли? Всё ли у вас в порядке? Может, помочь чем-то нужно? Ты не стесняйся, скажи!

Бакир промолчал, немного волнуясь и не зная, что ответить незнакомцу. В этот момент он ещё сильнее желал, чтобы дверь кабинета завотделом поскорее распахнулась и оттуда наконец-то вышел отец.

Но дверь, будто испытывая его бездействием, всё никак не открывалась, и Баубек, лукаво улыбнувшись, сказал:

— Ладно, я пойду. Передавай привет папе.

Бакир проводил его взглядом и остался ждать отца. Он даже от волнения принялся ходить взад и вперед, словно заодно пытаясь таким образом ускорить время.

Вскоре из кабинета вышел Мансур. Он выглядел радостным: глаза его так и сияли от счастья.

— Начальник дал добро! — весело проговорил он, обняв сына за плечо. — Айда исследовать твою находку!

Весёлое настроение отца быстро передалось Бакиру, и он уже забыл о его, как ему показалось, слишком навязчивом друге детства. Они вместе спустились в цокольный этаж, где находилась лаборатория института.

Там Мансур и Бакир оставались до конца исследования монеты. Строгая на вид лаборантка подошла к делу ответственно: провела инструктаж по технике безопасности, велела надеть халаты, защитные очки и маски, а затем разрешила наблюдать за процессом.

Она осторожно работала с дирхемом, фотографировала каждый шаг, вносила данные в журнал. Весь процесс занял где-то около трёх часов: подготовка к очистке, чистка в ультразвуковой ванночке с дистиллированной и слегка подкисленной уксусом водой, механическая очистка с помощью ювелирных инструментов, а затем анализ под микроскопом, взвешивание, замеры и рентгенофлуоресцентный анализ состава металла.

Молчавшая до сих пор лаборантка вдруг подозрительно прищурилась, глядя на образовавшийся спектр на экране прибора. Гладкая, непрерывная, местами волнообразная линия на графике кое-где подскакивала в высокие и остроконечные пики, по которым, как оказалось, можно было без особого труда определить, какие элементы присутствовали в исследуемом дирхеме.

Она пожала плечами и произнесла сквозь глухое гудение оборудования:

— Странно… внешне всё как надо… присутствует арабская вязь, есть также характерный ободок, патина вроде бы тоже вполне себе естественная. Но по составу… это почти чистое серебро и очень даже высокой пробы. Ни меди, ни свинца, ни даже следов золота… и содержание висмута ноль.

— И что это значит? — осторожно спросил её Мансур, хотя наверняка и сам догадывался, о чём говорила лаборантка.

— Это значит, — ответила она, — что такой металл в четырнадцатом веке просто не могли получить. Тут либо современная электролитическая очистка, либо вакуумная плавка… хотя навряд ли!.. чеканка с рисунками, как видите, так чётко сохранены… А с другой стороны, монета, может, и выглядит как дирхем Тохтамыша, но очевидно, что родилась она не раньше двадцать первого века…

Бакир и Мансур переглянулись. Их надежда раскрыть средневековую тайну сменилась холодком разочарования. И оба одновременно поджали губы, словно от безысходности.

— Значит, это подделка? — хрипловато спросил Бакир, не отводя глаз от мерцающего экрана спектрометра.

Лаборантка развела руками:

— Я бы сказала — искусно сделанная реплика. Кто-то постарался не только скопировать чеканку, но и состарить поверхность, чтобы обмануть даже опытного коллекционера.

Бакир тяжело вздохнул, провёл пальцем по краю стола, словно стряхивая с него пыль надежды:

— Может, кто-то всё же заинтересуется?

— Возможно, — тихо заметила лаборантка. Она бережно поместила дирхем в пластиковую капсулу — прозрачный круглый футляр, похожий на плоскую шайбу, с двумя плотно защелкивающимися половинками — для защиты от влаги и кислорода, бросила взгляд на Мансура и добавила: — Советую также проконсультироваться с грамотными нумизматами, показать им дирхем. Я пришлю вам их контакты вместе с результатами исследования… да, и держите монету подальше от солнца!..

Поблагодарив лаборантку и оставив ей коробку шоколадных конфет, Мансур с Бакиром отправились к нему в кабинет.

— Эх-хе-хе, — вздохнул Бакир, будто огорчённый чем-то старичок, и, сунув в карман штанов свою находку, укрытую в защитной оболочке, проговорил слегка раздосадованным голосом: — Ни ощупать её теперь нормально из-за этой пластиковой коробочки, ни лишний раз прикоснуться к повреждённому пулей месту.

Мансур, лишь мягко улыбнувшись, промолчал.

Наступило время обеда, и они положили капсулу с дирхемом в верхний выдвижной ящик стола, а сами отправились перекусить в институтский кафетерий на первом этаже.

В кафетерии было малолюдно. Среди скромного ассортимента блюд Мансур с Бакиром выбрали по сэндвичу с курицей и стакану с чаем. Оплатив заказ, они сели за ближайший столик и принялись за скорый обед.

Чуть погодя Бакир, отложив на тарелку надкушенный сэндвич, взялся за стакан с чаем и, сделав пару глотков, понурым голосом произнес:

— Эх, жалко, серебряный дирхем оказался подделкой. А я так надеялся, что он окажется ну если не бесценным, то хотя бы очень дорогим.

Он снова взялся за сэндвич и принялся неспешно надкусывать его.

— К сожалению, такое бывает, — проговорил Мансур и философски подметил: — Не ты первый, не ты последний.

— Ну, будем надеяться, что какой-нибудь нумизмат заинтересуется, — оживился Бакир, пытаясь подбодрить самого себя. — Попробуем с ним договориться? Поторгуемся, как мы любим это делать на базаре?

— Почему бы и нет, если да… — хитро ухмыльнулся Мансур, надкусывая сэндвич. — Лаборантка же обещала отправить контакты. Сходим, поговорим, поглядим, что скажут-предложат…

Бакир оживился пуще прежнего. Но вскоре замолчал, задумавшись о чем-то.

— Пап, а помнишь, ты как-то говорил, что тебе часто снится мама? — спросил он вдруг. — Это потому, что ты все время думаешь о ней? Поэтому?

— Наверное, сынок, — пожал плечами Мансур. Его голос слегка дрогнул, и он, тут же откашлявшись, будто поперхнулся едой, потянулся за стаканом с чаем и дополнил: — Бывает, что иногда она приходит во сне. А почему ты об этом спрашиваешь?

В кафетерий зашла парочка сослуживцев Мансура из редакционно-информационного отдела. Он приветствовали их вежливым кивком. Бакир, окинув их взглядом, выжидательно промолчал. Как только они прошли к прилавку, он тихо проговорил:

— Мне она часто снится в последнее время. Ощущение, что пытается сказать что-то важное. А я, как назло, не могу понять, что она говорит, будто что-то мешает ей это сделать, словно невидимая стена разделяет нас… а потом я просыпаюсь…

Доев свой сэндвич, Мансур взялся за салфетку и посмотрел на сына.

— Понимаю… — кивнул он сочувственно и принялся вытирать руки. — Я тоже думаю о ней… особенно в нелегкие для нас моменты.

Бакир поджал губы и, вздохнув, снова задумался, словно готовясь к следующей теме.

— А знаешь, зачем я инвестирую в крипту? — спросил он, принявшись разминать пальцами недоеденный кусочек хлеба.

— Конечно знаю! Чтобы стать миллионером к восемнадцати годам? — усмехнулся Мансур — наверное, тем самым попытался разрядить обстановку, — но его улыбка получилась натянутой. Он поднял стакан и принялся большими глотками допивать остывший чай.

— Нет, — качнул головой Бакир. — Я хочу создать приложение.

— Приложение? — переспросил Мансур, вернув пустой стакан на стол, и тут же добавил: — Интересно! И для чего?

— Компьютерное… чтобы отправить сообщение в прошлое… тебе и маме, ну или, в крайнем случае, себе, — проговорил Бакир и взволнованно продолжил: — Когда вы возвращались из отпуска… Чтобы предупредить… Чтобы никто из вас не оказался в той машине…

Мансур опустил взгляд и провел рукою по столу, будто пытался стереть на деревянной поверхности невидимое пятно. Рука его вдруг дрогнула, и он быстро сжал ее в кулак, словно испугавшись, что выдаст ненароком возникшее волнение.

— Сынок… это, конечно же, очень классная идея… я бы тоже всё отдал, чтобы вернуть нашу маму… Но… думаю… что это невозможно…

— Но почему! Ведь если я заработаю достаточно, — глянул настойчиво Бакир отцу в глаза, — то я найму нужных людей, специалистов — отдам им хоть все деньги! — которые смогут это сделать. Я должен попробовать!

В его глазах заполыхало пламя уверенности. Мансур глубоко вздохнул и тихо произнес:

— Пойми ты, дело ведь вовсе не в деньгах… и не в твоем компьютерном приложении… Кстати, идея очень крутая!.. Я просто очень хочу, чтобы ты был счастлив… Но я боюсь, что даже если бы мы смогли… Это не изменит того, что произошло…

Бакир вздохнул — так же глубоко, прямо точь-в-точь, как перед этим вздохнул Мансур.

— Пап, я понимаю тебя, — нехотя и через силу согласился он с отцом, но тут же сразу заметил: — Я просто очень хочу помочь маме… найти способ её спасти…

Мансур наклонился к нему и привычным движением потрепал его тёмные волосы.

— Знаю, сынок, — промолвил он, кивнув. — И я очень горжусь тобой за это. А по поводу монеты не переживай… придумаем что-нибудь…

Сказав это, он встал со стула и по-книжному торжественно воскликнул:

— Пойдём, мой мальчик, нам предстоят великие испытания!

Бакир заулыбался, радостно вскочил со стула и отправился за отцом, как отправился бы послушный ученик за своим мудрым наставником.

Когда они подошли к кабинету, Мансур открыл незапертую дверь. Бакир первым вбежал внутрь, сразу ринулся к отцовскому столу и, неудержимо мечтая вновь взять в руки серебряный дирхем, пускай даже в этой дурацкой пластиковой капсуле, быстро рванул на себя ящик.

— Пап, а его тут нету! — тотчас с досадой произнес он. — Исчез куда-то!

— Не понял! Как исчез? Куда? Что ты такое говоришь? — стремительно подошел Мансур к столу и принялся открывать нижние ящики. — Может, сюда угодил случайно? Так, здесь нет! А здесь? Вот чёрт! И здесь нет! — Он с той же стремительностью опустился на колени рядом с сыном и снова открыл верхний ящик стола. — Ты точно нормально здесь всё посмотрел? Может, среди документов затесался?

Мансур лихорадочно вынул оттуда все свои бумаги и сгрудил их на столе. Но монеты в верхнем ящике и вправду не было. Он озадаченно глянул на сына.

Бакир стоял перед ним в полном недоумении.

Серебряный дирхем исчез! Испарился, словно призрак!

Глава 6. В поисках серебряного дирхема

— Как пропала! — рявкнул Басеке́. — Что ты такое говоришь, Мансур? Ты в своем уме!

Сидя за столом в своем кабинете, завотделом бросил недовольный взгляд на подчиненного и замолчал, принявшись нервно потирать свои навсегда загорелые руки археолога, глядя куда-то вдаль комнаты, словно тщательно обдумывая что-то.

— Басеке́, — почтительно произнес Мансур и с осторожностью принялся объяснять ему: — В лаборатории могут подтвердить, что дирхем был ненастоящий. Есть результаты, подтверждающие это. Так что, думаю, нам не следует так сильно переживать…

— Погоди, что значит не настоящая? — перебил его завотделом. — Ты же видел, насколько реалистичной она была? Металл, чеканка, надписи, знаки… все было на ней и при ней!

Сказав это, он расстроенно вздохнул и махнул рукой куда-то в сторону. Но вдруг, словно опомнившись, спросил:

— Погоди, а где Бакир? Опять в коридоре его оставил?

— Нет, — произнёс Мансур и, словно забеспокоившись, что завотделом разнервничается еще больше, что отпустил сына без его ведома, виновато дополнил: — Отправил его домой. Расстроился он очень сильно.

— Ну это да, — сочувственно промолвил Басеке́. — На его месте я бы тоже очень сильно расстроился. Так что ты правильно сделал, что отправил его домой. Пусть успокоится, отойдёт.

Мансур вздохнул облегченно, и Басеке́, замолчав ненадолго, еще немного подумал о чем-то и вернулся к разговору о серебряном дирхеме.

— Ладно… хорошо… так… — проговорил он, — но теперь-то нам нужно безотлагательно действовать!.. понимаешь?.. Пусть монета ненастоящая, но воровства на рабочем месте не потерплю, поэтому будем искать!

Он выставил перед собой указательный палец и, суетливо сотрясая им в воздухе, воскликнул:

— О!.. а позвоню-ка я нашему начальнику отдела охраны и безопасности!.. распереживался тут с вами и совсем забыл про него!.. А собирался ведь сделать это чуть ли не в первую очередь!..

Завотделом потянулся к телефону на столе, схватил трубку и набрал короткий внутренний номер. Мансур сидел, не шелохнувшись, и наблюдал за ним.

— Алло, кто у аппарата? Главнокомандующий по ключам и пропускам? — по-доброму рассмеялся Басеке́ и, тотчас сделавшись серьезным, проговорил: — Привет-привет, дорогой! Давно не виделись… конечно, сидите у себя там в другом конце города… Да-да… Ну понятно-понятно…

Он опять заулыбался, сощурил глаза, внимательно вслушиваясь в ответ, и продолжил:

— Я вот с какой проблемой звоню тебе… в нашем институте сегодня произошло ЧП… нет-нет, все нормально, никто не пострадал, слаба Богу! Все живы-здоровы. Но пропала одна интересная вещица… вроде как старинная… да-да, старинная… монета времен Золотой Орды… из серебра… и наверняка очень ценная!.. Да-да… Ах, ты хочешь знать, почему «вроде как», да и «наверняка» тоже?.. Послушай, какие, однако, хорошие у тебя вопросы!..

Он снова заулыбался, снова вслушиваясь в трубку, и, бросив быстрый взгляд на Мансура, заговорил дальше:

— Ну, скажу тебе я так, дорогой мой. Несмотря на то, что наша лаборатория подтвердила, что монета ненастоящая, а то бишь она является подделкой, у меня с моим коллегой есть некоторые сомнения, что это на самом деле так… нет, не подумай ничего лишнего, лаборатория верно проводит свои анализы… я не об этом!.. я говорю о том, что мое профессиональное

чутье подсказывает мне, что в этой монете, а точнее говоря, в этом серебряном дирхеме хана Тохтамыша… да-да, ты не ослышался: хана Тохтамыша!.. так вот, в этом серебряном дирхеме что-то есть!.. говоря простым языком, он непростой!.. согласись, что если бы он был простой подделкой, то его бы не стали воровать… а то, что его своровали, в этом я и мой коллега не сомневаемся!..

Завотделом замолчал, вслушиваясь в трубку. Мансур все так же продолжал смотреть на него. И чуть погодя завотделом, снова глянув на него, произнес:

— Ну, что я хочу от тебя?.. Как уже сказал, нам нужна твоя помощь… найти монету, найти того, кто её украл… что это за наглец такой — свой сотрудник или чужак?

Он вдруг нервно прижал трубку к уху и произнес:

— Так, насчет этого не беспокойся, я сразу, как узнал о пропаже, велел твоим нукерам[5] на входе закрыть все двери в здании. Ты знаешь их, они никого не впустят и не выпустят!.. хотя это, скажем так, немного не совсем законно… мы сами не имеем ведь права задерживать наших сотрудников… но а что делать-то теперь? Нужно ведь было действовать быстро!.. Хотя, с другой стороны, толку, думаю, от этого мало! Кому надо было уйти, уже давно смог уйти. Но у нас ведь остались записи в журнале регистрации посетителей. С этим у нас, как сам знаешь, тоже строго! И если что, нужно будет с этой стороны тоже проверить…

Завотделом опять заулыбался и, кивнув, произнес:

— Добро, дорогой!.. да-да… ждем тебя тогда!.. Хорошо!

Договорив, он положил трубку на место и повернулся к Мансуру.

— Из тех, кто не бывает бывшим… понимаешь? — красноречиво потер он свои руки и уже в приподнятом настроении добавил: — Сказал, что скоро подъедет, будем проводить расследование. Но только, имей в виду, шума по этому поводу вообще не стоит поднимать, попытаемся сперва решить проблему тихим и мирным путем. Но главное, будем надеяться, что монета все еще находится в здании института!

Мансур потер рукой подбородок в легком раздумье и поинтересовался:

— Наверное, комиссию нужно будет создать, чтобы все официально зафиксировать? Как вы считаете?

— Пока не знаю, — ответил завотделом. — Давай дождемся его, посмотрим, что он нам предложит дальше.

Мансур молча согласился с Басеке́ и остался в кабинете ожидать гостя.

---

[5] Ну́кер (от монг. нөхөр) — дружинник на службе феодализирующейся знати в период становления феодализма в Монголии. Во время войны нукеры выступали ратниками в войске своего сюзерена, в мирное время становились стражей, «домашними людьми», приближёнными.

Глава 7. Объявление о пропаже амулета

Во второй половине дня Зиба, закончив с домашними делами, которые ей сестра поручила с раннего утра, пулей выскочила из квартиры и побежала вниз по лестнице. Соскочив с последней ступеньки, она резво ткнула указательным пальцем в кнопку выхода домофона и рывком навалилась всем телом на увесистую металлическую дверь. Подъездная дверь с лёгким скрежетом поддалась озорной девочке, но тут же обо что-то гулко ударилась.

С обратной стороны кто-то вскрикнул. Зиба испуганно замерла на секунду, а затем, будто набравшись смелости, осторожно выглянула наружу.

За дверью стояла пожилая женщина в спортивной форме и в широкополой соломенной шляпе. С выпученными глазами и раскрасневшимся от негодования лицом она держала в одной руке пластиковый тюбик с клеем, а в другой — отрезок бумаги, похожий на короткое объявление.

— Ой, тётя Фазилат, здравствуйте! — взволнованно проговорила Зиба и, молитвенно сложив ладони, застрекотала: — Я не ушибла вас? Простите меня, пожалуйста, я не знала, что за дверью кто-то стоит! Простите меня, ради Бога!

Пожилая женщина, нервно поправив на голове широкополую шляпу, недовольно пробурчала что-то себе под нос. И как только Зиба вышла наружу, а подъездная дверь благодаря доводчику закрылась, она продолжила наклеивать на металлическую поверхность бумажное объявление.

Зиба как ни в чём не бывало встала рядом с ней и прочитала вслух:

— Утерян серебряный амулет (семейная реликвия) в виде крупной старинной монеты. Вернувшему гарантируется вознаграждение.

Прочитав текст, она притихла и заметно смутилась, очевидно, поняв о какой монете шла речь в объявлении. И, словно набравшись смелости, спросила тихим голосом:

— Думаете, вернут?

— Я очень на это надеюсь, девочка! — зычно ответила пожилая женщина и, тщательно приглаживая широкой ладонью приклеенный бумажный отрезок, еле слышно пробормотала: — Как-никак, единственная память о нём! Конечно же, если не брать в счёт все его фронтовые ордена и медали.

Зиба непонимающе глянула на тётю Фазилат и снова спросила:

— Память… о ком?

— Об отце моём, разумеется! — величественно произнесла тётя Фазилат и, не изменяя голоса, тем же тоном добавила: — Ветеране Великой Отечественной войны! О ком же ещё!

Зиба как-то глупо улыбнулась и, смутившись ещё сильнее, тихо отошла от тёти Фазилат и так же бесшумно ретировалась.

Тётя Фазилат этого даже не заметила, увлеченная своим делом. Она ещё раз пригладила ладонью объявление и убедившись, что клей хорошенько прихватил бумагу к металлической поверхности двери, направилась к крайнему, четвертому подъезду.

Зиба, подбежав ко второму подъезду, в котором жил Бакир, остановилась у входа. На двери висело точно такое же объявление. Она быстро просмотрела знакомый текст и, сфотографировав его на смартфон, вошла в подъезд и ринулась по лестнице на третий этаж.

Дверь открыл Бакир. Увидев запыхавшуюся Зибу, он сразу почувствовал что-то неладное и встревоженно спросил:

— Что-то случилось?

Зиба проигнорировала его вопрос и вошла в квартиру.

— Ты один? — спросила она.

— Да, — удивленно выдавил он из себя и, закрыв за ней дверь, снова повторил свой вопрос: — А что случилось-то, а?

Зиба молча протянула смартфон и показала ему фотографию объявления.

Бакир посерьёзнел и нервно хмыкнул.

— Нету монеты! — произнёс он. — Пропала!

— Как пропала? — с недоумением глянула на него Зиба. Её глаза полезли на лоб от услышанного. — Ты что такое говоришь, Бака? Тебе не стыдно? Тётя Фазилат из соседнего дома, оказывается, сбилась с ног в поисках своего амулета!

— Зибок! — нервно огрызнулся Бакир, представив властную пожилую соседку, которая вчера окриками гоняла суровых электромонтеров во дворе у трансформатора. — Да что я, не понимаю, что ли! Но говорю же, нет монеты! Ищем пока!

— О, боже! — закатила глаза Зиба, смешно, но вовсе не для смеха, обхватив ладонями лицо. — Это же вещь, которая принадлежала её отцу, ветерану Великой Отечественной войны!..

— Ветерану?.. Великой Отечественной?.. — сникнув враз, переспросил Бакир и тут же добавил: — А ты откуда знаешь? Она сказала? Или ты врешь?

Зиба недовольно качнула головой и произнесла:

— Нужно всё равно звонить ей и рассказать всё как есть, а там будь что будет!

— Ты думаешь? — глянул на неё Бакир и взволнованно почесал затылок. — А вдруг она заругает нас? Что мы будем делать тогда?

Лицо Зибы вытянулось, а из груди её вырвался нервный смешок негодования.

— Бака, во-первых, почему это нас? И вообще, ты что, трусишь?

Она надвинулась на него, уперев руки в бока и злобно прищурив глаза, проговорила:

— Не думала, что ты такой!

Бакир замялся и, отступив от неё на шаг, словно от разъяренного зверька, тут же опомнился и поспешил взять ситуацию в свои руки.

— Ну ты полегче, Зибок! — огрызнулся он. — С чего ты взяла, что я трушу! Прежде чем идти к ней — подумай сама — нужно ведь подготовиться нормально, понять, что говорить, зачем говорить, как говорить, чтобы не стоять перед ней, как дурак, не мямлить там и все такое!

— О чем ты хочешь подумать, что ты собираешься понять? — не успокаивалась Зиба. — Зачем терять драгоценное время? Нужно идти к ней прямо сейчас и говорить все как есть!

— Да погоди ты! — замялся Бакир.

Он начал чувствовать себя крайне неудобно из-за сложившейся ситуации. Уже где-то глубоко внутри себя начал сожалеть о том, что отправился в тот день на школьный двор, где нашел эту проклятую монету.

«Что же делать? Что же делать? — судорожно подумал Бакир. — Как мне теперь быть? Ведь, оказывается, это не просто монета, а чья-то семейная реликвия! Вот надо ж как я влип-то с ней! Да хоть смартфон об стену расколи! Ну как же мне теперь быть-то? Как мне теперь поступить?»

И он заходил взад и вперед в прихожей, словно активно раздумывая над чем-то, но вдруг, принявшись яростно жестикулировать рукой, с нескрываемым откровением выпалил вслух, явно не обращаясь к Зибе конкретно:

— Ну представьте себе, как я предстану перед ней? Как смогу посмотреть ей в глаза? Что я скажу ей, что, извините, что, мол, монета вашего отца-ветерана Великой Отечественной войны вот так вот просто взяла и испарилась куда-то, пропала, да? Да и, если на то пошло, то мой отец велел мне сидеть дома, никуда не выходить!..

— Бака! — отчаянно взвыла Зиба. — Прекрати, прошу тебя! Только о себе и думаешь!

Скорее всего, она была не в состоянии слушать дальше его речь. И поэтому театрально провела ладонями по лицу, будто пытаясь стянуть с неё налипшую невидимую тягомотину от его слов.

— Ну какой же ты, оказывается, зануда! — продолжила она. — Ну почему тебе так трудно решиться сходить прямо сейчас к тёте Фазилат? Бедная женщина ходит сейчас по подъездам всех домов на районе и развешивает это объявление!

Она снова выставила перед ним свой смартфон.

— Ну давай же, решайся поскорей, и я позвоню ей! Вот здесь как раз указан её номер!

Чертыхнувшись в сердцах и вдобавок ругнувшись похлеще, Бакир зашагал по коридору вглубь квартиры, громко затопав по полу от злости и бессилия, скрылся в своей комнате. Сейчас он хотел побыть один и, когда вошел к себе, то очень сильно желал, чтобы серебряный дирхем самым волшебным образом оказался бы в глиняной поделке в виде лодки на полке над компьютерным столиком. Там, куда он клал монету до этого. Но, конечно же, дирхема там не было. И он, присев на край кровати, задумался, как теперь ему быть.

«Ну что же не везёт-то мне так! — заунывно протянул внутри себя Бакир. — Подделка, пропажа! Теперь вот, как по закону подлости, чьей-то семейной реликвией оказалась!»

Он стремительно вскочил с кровати и, сунув руки в карманы шорт, весь ссутулившись, словно на него разом навалилась многотонная невидимая ноша, принялся ходить по комнате взад и вперед.

«Получается что, — принялся он лихорадочно рассуждать. — Если бы монета была не подделкой, если бы не пропала, мне бы точно пришлось возвращать ее владельцу. Или всё-таки — нет? Как-никак, серебряный дирхем и мне позарез нужен! Я должен вложиться в крипту! Я должен создать приложение! Чтобы помочь маме!»

Походив так ещё немного, Бакир вдруг остановился в центре комнаты.

«А с другой стороны, — глянул он куда-то вдаль отрешённым взглядом. — С другой стороны, получилось бы у меня не возвращать монету? Смог бы я поступить так?»

Губы Бакира тотчас скривились в грустной ухмылке. Он ещё больше сгорбился и даже скукожился, будто его неожиданно окутал неистовый холод.

«Как бы я после этого себя чувствовал? Сгорел бы со стыда, провалился бы под землю… Или сбежал бы куда-нибудь в горы, чтобы меня не нашли. Главное — на природе! Но чтобы был доступ к интернету. Разве я не сделал бы этого ради мамы?»

Бакир снова остановился и рухнул на кровать.

«Но ведь серебряный дирхем для тёти Фазилат — не безделушка. Это память об её отце, о фронтовике, о герое Великой Отечественной войны!.. И что, неужели я бы его не отдал? Стал бы жалким бездушным воришкой? Нет! Я не мог бы ничего украсть — даже ради мамы! Найду другой способ заработать».

Он изнеможенно уронил на руки голову и тяжело вздохнул.

«Полный щиткоин!.. Чёрт!.. Расколоть смартфон об стену!.. Ну и ситуэйшн!.. Аж башка разрывается от этих раздумий!..»

Зиба, оставшаяся в прихожей, озадаченно пожала плечами и чуть погодя, глянув вдаль коридора, окликнула его:

— Бака! Ау! Ну, где ты там?

Бакир пробубнил что-то невнятное в ответ, и она спросила:

— Ну ты идешь? Мне звонить тёте Фазилат?

Пару секунд спустя из дальней комнаты раздался сдавленный голос Бакира. А спустя еще минуту он вышел к ней обратно.

— Ладно, — протянул он с печалью и, принявшись обуваться, выдавил из себя: — Звони.

Глава 8. Дочь ветерана Великой Отечественной войны

Спустя около двадцати минут тётя Фазилат закончила развешивать последние объявления, обойдя к этому времени все подъезды окрестных жилых домов. На обратной дороге она заглянула в продуктовый магазинчик, располагавшийся на первом этаже соседней пятиэтажки, и вскоре вернулась к себе в квартиру.

Переобувшись в прихожей в домашние тапочки, тётя Фазилат прошла на кухню и только открыла холодильник, чтобы выложить продукты, как зазвонил мобильник. Она спешно поставила пакеты на пол и, вынув телефон из сумочки, прижала его плечом к уху.

— Алло! — ответила она зычным голосом и, принявшись раскладывать продукты, стала перемежать свои ответы вопросами: — Да! Кто? А-ха! Из соседнего дома, говорите? Что говорите? Насчет амулета! Та-а-ак! Когда, прямо сейчас? Ну, конечно! Хорошо, жду!

Тетя Фазилат положила телефон на стол и только закрыла холодильник, как зазвенел дверной звонок. Она возмущенно пробурчала что-то себе под нос и, суетливо запихнув пустые сложенные пакеты в выдвижной ящик, заторопилась ко входу.

— Здравствуйте, тетя Фазилат, — громко поприветствовали её Бакир с Зибой, застыв у раскрытой двери.

По натянутым улыбкам ребят было заметно, как они усиленно старались держаться молодцами, но волнение все же выдавало, как они нервничают.

— Здравствуйте, здравствуйте. — Тетя Фазилат недоверчиво оглядела их с ног до головы и обратилась к Зибе: — Девочка, а я тебя знаю! У подъезда соседнего дома встречались сегодня, не так ли?

— Да, тетя Фазилат, все верно, — внезапно зарделась Зиба. — Вы развешивали объявление, и я…

Но тетя Фазилат не дослушала ее и надменно оглядела Бакира. Он замялся и, не выдержав её тяжелого взгляда, опустил глаза в пол.

— Это вы, значит, звонили мне касательно амулета? — поинтересовалась она властным тоном, стоя в дверях с гордо вскинутой головой. — Могу я увидеть его?

— Простите меня… тётенька… ой… тётя Фазилат… простите меня, — виновато запинаясь, пробубнил Бакир. — Но ваша монета… то есть ваш амулет… пропал. — Он смущенно посмотрел на неё и тут же лихорадочно зачастил, не давая ей возможности вставить и слова: — Я нашёл ваш амулет вчера вечером на нашем школьном дворе, и до сегодняшнего утра он был у меня, но я ведь тогда не знал, что он ваш, а если бы знал, то непременно вернул бы его вам... Но, к сожалению, он странным образом исчез куда-то, пропал, пока мы были на работе у папы…

— У папы? На работе? — наконец ей удалось перебить его. Она ступила за порог, держась за дверную ручку, выглянула на лестничную площадку и сердито проворчала: — А где он? Где твой папа? Кроме вас я больше никого здесь не вижу!

Зиба растерянно затопталась на месте, глянув мельком на Бакира, будто пытаясь угадать его мысли. А он снова посмотрел на тётю Фазилат, нервно заморгав, не понимая, шутит она или спрашивает всерьёз.

— Так он на работе сейчас, в институте археологии! — вдруг раздражённо выпалил Бакир. — С утра я был там, с ним, а после обеда, как только амулет пропал, он отправил меня домой! А сам остался на работе, сказал, что пойдёт к начальнику!

— К начальнику? К нашему Басеке, что ли? В институте археологии? — с явной искренностью удивилась тётя Фазилат и тем же зычным голосом протараторила: — Твой папа что, там работает? Кем? Кто он? Как его зовут?

— Мансуром… его зовут… — слегка подался назад Бакир. — Омаров Мансур…

— Да иди ты! — восторженно всплеснула руками тётя Фазилат, вытаращив на него глаза. — Ты сын Мансура? Омарова Мансура? Нашего Мансурчика! Ведущего научного сотрудника из отдела средневековой археологии? Нашего института археологии имени Маргулана Алькея Хакановича?

Она произнесла эту фразу с таким неистовым изумлением, словно стоявший перед ней Бакир был не кем иным, как случайно зашедшим к ней в квартиру сыном министра образования и науки — не меньше!

«Что за странная женщина! — успел подумать Бакир, отступив от нее еще на шаг. Он не на шутку распереживался, пытаясь совладать с сумбурными мыслями, зароившимися в его голове. — Она что, знает моего папу? И его начальника тоже? А может, она что-то задумала против нас? Почему она ведёт себя так? Точно странная! Но что она хочет от нас? Я ведь признался ей, что у меня нет её монеты! Хоть сотню смартфонов расшиби об стену зараз! Но нет у меня её монеты! Нет, хоть всего обыщи! И всё-таки я не пойму, почему она ведёт себя так! А может, она сумасшедшая?»

Зиба, хлопая глазами и неловко улыбаясь, глядела то на Бакира, то на тётю Фазилат. Последняя уже сменилась в лице, стояла довольная и, как показалось Бакиру, слащаво улыбалась, не отводя пристального взора от него.

— А я — Фазилат Мукимовна! — почти официальным тоном, как на каком-то собрании, обратилась она к нему. — Но для тебя, дорогой ты мой, можно просто: тётя Фазилат! — И, не обращая внимания на Зибу, добавила: — Может, слыхал про такую от папы? Мы ведь с ним вместе работали, пока я не вышла на пенсию два года тому назад. Уж очень отзывчивым и умным, а главное, трудолюбивым и весьма толковым молодым человеком он был… ой, ну почему был?.. господи, прости!.. несу всякую чушь! Он такой и сейчас!.. твой папа!.. Омаров Мансур!.. дорогой наш Мансурчик!..

Тётя Фазилат впустила ребят в квартиру и, как только они оказались в прихожей, заперла дверь.

— Разувайтесь, разувайтесь! — засуетилась она хлопотливо. — Что мы будем продолжать так стоять у порога, что ли? Не по-людски как-то! Так что давайте, разувайтесь и там в обувнице возьмите домашние тапочки.

Ребята переглянулись и, еле сдерживая улыбки от неловкой ситуации, принялись переобуваться. Вдруг лицо тёти Фазилат снова сделалось строгим. Она посмотрела на Бакира и придирчиво произнесла:

— Но только имей в виду, я позже все равно позвоню твоему папе и поговорю с ним про амулет. Ты не против же? Хорошо? Я верно понимаю, что монета пропала в стенах нашего института?

— Да, всё верно, тётя Фазилат, — спокойным голосом ответил Бакир. Он уже внутренне успокоился, собрался, перестал вздрагивать от каждого ее внезапного слова и добавил: — Да, согласен. Будет лучше, если вы позвоните ему. Наверное, они с начальником уже что-нибудь придумали. Простите, что не доглядел за вашей серебряной монетой… то есть амулетом!

Тётя Фазилат глянула на него с неподдельным восхищением и просияла лицом, явно поражаясь его взрослому суждению. Но вдруг она спохватилась и пригласила ребят, до сих пор стоявших перед ней в прихожей, на кухню пить чай.

Бакир мимоходом быстренько вынул смартфон из кармана шорт и глянул на время.

«Так, еще только четвёртый час, — подумал он торопливо, возвращая телефон в карман. — Папа ещё на работе, так что всё нормально. Можно немного задержаться здесь».

Пропуская Зибу вперед, он принялся оглядываться. Планировка квартиры тёти Фазилат ничем не отличалась от его квартиры: такая же прихожая, такой же длинный коридор и высокие потолки. И комнат вроде бы столько же. Построенные ещё в 1980-е годы, их однотипные панельные дома могли выдержать любые землетрясения — а в горной Алмате это частое явле-

ние. Кухня была такой же стандартной, как у него в квартире — не большой и не маленькой, — но вполне вместительной, светлой и, нужно отдать должное заботливой хозяйке, очень ухоженной.

Бакир прошёл на кухню. В центре стоял большой круглый обеденный стол из натурального дуба.

«Ничего себе! Вот это столик! — с восторгом подумал он. — Наверное, старинный? Раритет? Но как он тут уместился? Как его вообще занесли в квартиру? Через окно? Такой громадный!»

Но Бакир, постеснявшись, не стал спрашивать об этом хозяйку.

Тётя Фазилат с радушным гостеприимством указала ему на стул и обронила в сторону Зибы:

— Девочка, не суди меня строго, но не могла бы ты, пожалуйста, напомнить мне свое имя?

Зиба учтиво ответила ей, и тётя Фазилат энергично скомандовала:

— Вот и хорошо, Зиба! Тогда помоги-ка мне быстренько наполнить водой чайник, он стоит на тумбе у раковины, а я пока накрою стол!

Бакир уселся на почетном месте и, чувствуя себя важным гостем, наблюдал за ними. Зиба взяла чайник и, наполнив его фильтрованной водой из-под крана, поставила греться. Тётя Фазилат быстренько накрыла стол свежей скатертью и принялась за незатейливую сервировку. Она расставила чайные чашки с блюдцами, столовые приборы и вынула из холодильника сладости. От этого всего кухня враз наполнилась вкусными ароматами и, преобразившись, стала ещё уютнее.

Бакир, разомлев, вновь вспомнил о вчерашнем домашнем ужине и с теплотой подумал о бабушке Мендеш. Он был безмерно благодарен ей за то, что она, когда в их семье случилась беда, бросила своё хозяйство в Сарайшыке и перебралась к ним на помощь. Бакир понимал, что уже не представлял их жизнь без бабушки Мендеш, и при воспоминаниях о ней ласково улыбнулся. Но в этот момент его мысли вдруг предательски перескочили на вчерашнюю утреннюю ссору. На мгновение ему стало невыносимо стыдно за всё: за то, что он поругался с бабушкой, за то, что обижался на неё, за то, что не слушался её и засиживался допоздна за компьютером.

Тётя Фазилат и Зиба, закончив с сервировкой, сели рядом — ждать, пока вскипит чай.

— Ну прямо как знала, что ко мне сегодня заглянут гости! — обрадованно произнесла тётя Фазилат, любуясь, как ребята с удовольствием уминают сладкие пирожные. — Не зря по дороге зашла в магазин!

— Спасибо вам, тётя Фазилат! — дружно поблагодарили ребята. — Очень вкусные пирожные!

— Ах, не стоит! — весело махнула она рукой и добродушно призналась: — Это ведь магазинные!

Наконец-то вода вскипела. Тётя Фазилат разлила ароматный чай по чашкам и, раздав их ребятам, продолжила деловито говорить:

— Нынче стало некогда готовить самой. Хотя и на пенсии, но времени катастрофически не хватает. Дел просто по горло! А вот раньше, помню, вечерами после работы или в выходные наготовлю целыми противнями пироги там разные, мясные, сладкие, любые, выпечку тоже. А потом сижу и думаю: кто же это все будет есть? Отца ведь несколько лет как не было с нами, дочь уже давно выросла и жила отдельно…

Сказав это, тётя Фазилат, слегка смутившись, по-девичьи поправила волосы и улыбнулась с заметной грустью на лице, заставив ребят неловко заёрзать на стульях.

— Но, с другой стороны, что тут думать? — оживилась она вдруг и заливисто засмеялась. — Немного соседям раздашь, немного знакомым, а остальное несёшь на работу. Угощала коллег своих институтских, устраивали совместные чаепития. Эх, веселые были времена!

Ребята, заряжаясь её оптимизмом, враз приободрились, повеселели, и тётя Фазилат принялась делиться с ними воспоминаниями.

— Насколько я помню, это было в 2009 году… — продолжила она не спеша, с расстановкой, будто боясь ошибиться, и проговорила увереннее: — Да, это было пять лет назад. Весной 2009 года к нам в институт прибыл на работу один молодой человек…

Тётя Фазилат, не отрывая глаз от Бакира, улыбнулась ему, и он, интуитивно догадываясь, о ком пойдет речь, просиял сильнее.

— Верно, Бакир! Я говорю про твоего папу, про Омарова Мансура! — радостно произнесла она и тут же спросила: — Тебе сколько лет было в тому году, когда вы переехали сюда из Атырау? Лет девять, наверное?

— Да, — ответил Бакир, запивая пирожное чаем. — Я родился в двухтысячном году.

— Ну вот, всё верно, значит, — произнесла она и нервно расхохоталась, словно вспомнив о чем-то еще. — А я-то, дура старая, не подумала тогда, что он был женат… твой папа… когда он появился в нашем институте, то я сразу размечталась выдать за него свою единственную дочь. Они оба ведь как раз одногодки, родила-то я её поздно…

Бакир с Зибой озорно переглянулись, и тётя Фазилат снова обратилась к нему:

— А представь, — рассмеялась она, слегка смущаясь на этот раз. — Ты бы сейчас мог быть моим внуком… вот было бы славно… а я для тебя пекла бы пироги с пирожными… вот было бы здорово… правда?

Бакир огорошенно выпучил на неё глаза, снова вспомнив про вчерашних несчастных электромонтёров. Подумав о них, представив на мгновение себя на их месте, он невольно проникся к ним пониманием и в какой-то мере даже мужской солидарностью — вряд ли бы ему, как и им тогда, было приятно, чтобы его гоняли окриками!

«Нет уж, спасибо! — натянуто улыбнулся он тёте Фазилат и тут же отогнал нехорошие мысли о ней. — Хотя какое право я имею судить о другом человеке! Кто я такой, чтобы так думать про неё? Да и потом, видно же по ней, что она очень хорошая и добрая женщина. Возможно, просто у неё жизнь сложилась такой не легкой, и от этого она стала немного жесткой и чёрствой! А на меня, бывает, бабушка Мендеш тоже иногда кричит, со стороны может показаться, что она злая. Но ведь она права».

— Ладно, Бакирчик, не парься! Не обращай внимания на мои дурацкие шутки! — словно прочитав его тягостные мысли, вдруг вырвала она его из раздумий и, махнув по-свойски рукой и взглянув на заскучавшую Зибу, неожиданно проговорила: — Кстати, про тот амулет. Его привез с войны мой отец.

— Вот это да! — воскликнули ребята в унисон, и Бакир предположил: — Получается, что серебряный дирхем — трофейный?

— Да нет, вроде бы нет, — неуверенно произнесла тётя Фазилат. — Насколько я помню, отец мне рассказывал про то, что серебряную монету ему подарил кто-то из своих… я имею в виду кто-то из советских солдат… тот, с кем он воевал на фронте… а откуда она взялась у того, подарившего, я не знаю…

— Понятно, — важно вздохнул Бакир и вновь предположил: — Может, тот советский солдат снял её с пленного или убитого немца? Хотя нет — монета же золотоордынская! Вряд ли она могла оказаться у немецкого солдата. Возможно, он нашёл её на поле боя или приехал на фронт с ней?

— Возможно, — с той же неуверенностью произнесла тётя Фазилат и, словно в оправдание, добавила: — Я не вдавалась в подробности, а если и спрашивала, то уже, к сожалению, не помню. Столько лет прошло!

Ребята допили чай и протянули пустые чашки. Она принялась доливать свежий ароматный напиток.

— Правда, запомнилась одна история, — проговорила тетя Фазилат, вернув чайник на место и передав чашки ребятам. — Отец рассказывал, как один немец, засевший в укрытии, стрелял в него из пулемёта, и одна пуля отрекошетила от амулета. Представить такое сложно, но это спасло жизнь моему отцу…

— Ого, значит, я был прав! — вскочил неожиданно со стула Бакир и, обрадованно вскинув руки, самодовольно посмотрел на Зибу. — Выбоина на монете всё-таки была от пули!

Но, тут же опомнившись, он сник и с грустью плюхнулся обратно на стул.

— Эх, толку-то радоваться… монета же пропала… — принялся вздыхать Бакир. — Как жалко… эх, как жалко… такая классная была… времён Золотой Орды!..

— Да не огорчайся ты так, Бака! — поспешила успокоить Зиба. — Если будет суждено, то монета обязательно найдётся! Как говорит моя сестра, главное — сильно верить в то, что ты хочешь, и это обязательно сбудется!

— Верно говорит твоя сестра, Зибочка, — поддержала тётя Фазилат и добавила: — Вот я, к примеру, долгие годы мечтала открыть собственный детский археологический лагерь. Но покамест работала, было не до этого, да и, честно признаться, никак не решалась уволиться. Хотя об этом тоже думала, моя работа мне не очень нравилась. Я хотела посвятить жизнь археологическому лагерю. Долго не могла решиться, но не бросала мечту. И только лишь выйдя на пенсию, я начала осуществлять её.

— Ого, как классно! — вскинул удивленные глаза Бакир. — А вы ездите с детьми по раскопкам?

— И даже в палатках живете? — живо вклинилась в разговор Зиба и робко поинтересовалась: — Как настоящие археологи?

— Пока ещё никуда не выезжали, — улыбнулась в ответ тётя Фазилат, вероятно, обрадовавшись заинтересованностью ребят. — Лагерь я запустила только к концу прошлого года, поэтому успела пока провести в городе пару потоков на зимних и весенних каникулах. Зато мы с детками младших классов изучали различные культуры и эпохи, узнавали об особенностях и достижениях тех времен, вместе ходили на экскурсии в музеи и на исторические выставки, встречались с моими коллегами в институте археологии, слушали их рассказы и истории про загадочные находки на раскопках. Вы не представляете, как это было увлекательно и познавательно! Дети остались в полном восторге!

— Здорово, я тоже так хочу! — с азартом произнес Бакир и тут же спросил: — А как можно записаться к вам в лагерь?

— И я! И я! — вновь вклинилась между ними Зиба и с задором затрясла рукой. — Про меня не забудьте, пожалуйста-пожалуйста! Я тоже хочу в такой лагерь!

— А тебя сестра-то твоя отпустит? — резонно заметил Бакир. — Не скажет, что ты опять что-то себе напридумывала?

— Отпустит! — резво отреагировала Зиба, скрестив руки на груди и скорчив обиженное лицо. — Я уже взрослая!

Бакир, приставив кулак ко рту, приглушенно хохотнул, и Зиба обиженно отвернулась от него.

Видя их заинтересованность, тётя Фазилат рассмеялась от души. Очевидно, подобная реакция детей была главным вдохновением для неё продолжать заниматься любимым делом.

— Кстати, ребята, послушайте меня! — произнесла она. — Вместе с детьми старших классов мы на днях собираемся в Сарайшык. Планируем посетить музей и принять участие в раскопках. Уже группа собралась — человек двадцать или чуть больше.

— О, круто! Сарайшык! — обрадовался Бакир счастливому совпадению. — Мы как раз тоже в конце этой недели всей семьей собираемся ехать туда на поезде! Папа вчера нам предложил!

— Неужели? — с привычной восторженностью всплеснула руками тётя Фазилат. — Это так чудесно! Это так великолепно! Нет, это просто получается так кстати! Ведь наш лагерь тоже как раз в конце недели выезжает на поезде в Атырау, а оттуда мы поедем дальше в Сарайшык на автобусе!

Бакир весело глянул на Зибу. Настроение его заметно улучшилось. От предвкушения скорой поездки мысли о пропаже серебряного дирхема, похоже, стали отходить куда-то на дальний план.

— Смотри, с сестрой не забудь поговорить, — с шутливой издевкой он напомнил Зибе. — А то выгонит тебя из дома, и поедешь вместо Атырау к себе в Астану.

Зиба нахмуренно глянула на него, но промолчала. И тётя Фазилат, посмотрев на неё, словно вспомнила о чём-то важном.

— И да, Зибочка, ты права, — проговорила она. — Мы будем жить там в палатках, как самые настоящие археологи. Однако не стоит беспокоиться по этому поводу. С нами будут мои помощники-воспитатели. И имейте в виду, беру я в такие поездки исключительно отличников и дисциплинированных детей с хорошим поведением и оценками. С этим, я думаю, у вас не должно быть проблем? И ещё один важный момент… — Она взглянула на Бакира. — Нужно письменное разрешение от ваших родителей…

Услышав эти слова, Бакир притих и понуро опустил голову. Похоже, тётя Фазилат с Зибой обратили на это внимание, и над столом нависла неприятная тишина. Немного помолчав, он поднял голову и обратился к хозяйке.

— Тётя Фазилат, если вы работали в институте вместе с моим папой, то получается, что вы и мою маму знали? Её зовут… вернее, звали Асем. Она тоже работала в институте археологии.

Тётя Фазилат явно не ожидала подобного вопроса. Она стремительно приложила ладонь к груди, будто извиняясь за то, что с самого начала сама не заговорила о ней, и с сочувствием посмотрела.

— Ах, бедная Асем! Наша Асемочка! — тяжело вздохнула она. — Конечно, я её помню, дорогой ты мой! Мы ведь всем институтом хоронили её тогда!

Тётя Фазилат тихо всплакнула и, вскочив со стула, принялась спешно обходить стол. Она подошла к Бакиру и обняла его.

— Твоя мама, Бакирчик, была светлым, добрым и замечательным человеком, — проговорила она и нежно, по-матерински погладила его по голове. — Все наши коллеги до сих пор вспоминают её с теплом. Поверь мне, нам всем её очень не хватает.

Глаза Бакира наполнились слезами. Смахнув их рукой, он тяжело вздохнул и опустил голову.

Но вдруг, как будто стараясь разрядить обстановку, раздался звонкий голос Зибы.

— Золотая Орда, ты сказал... — неожиданно обратилась она к нему и тут же добавила: — А вот я что-то плохо знаю то время...

Тётя Фазилат вдруг неуклюже улыбнулась. Она стремительно вернулась на своё место и пробасила строгим наигранным голосом:

— Так, ребятки мои дорогие, а давайте-ка я лучше расскажу вам одно старинное предание. Оно довольно-таки странное, о событиях, которые произошли во времена становления и правления хана Тохтамыша. О нём-то вы, наверное, хоть что-то слышали на уроках истории?

Бакир с Зибой вмиг оживились, дружно закивали и принялись с интересом слушать её рассказ.

Глава 9. Старинное предание, рассказанное тётей Фазилат

Приключилась эта история в четырнадцатом веке в Золотой Орде. На тот момент средневековое государство Евразии было крупнейшим в мире и тянулось от Дуная до Иртыша, включая Великую степь.

Где-то в 1359 году в Великой степи появился демон Вельзевул.

Раньше, будучи ангелом, он обитал на небесах, но, взбунтовавшись против Всевышнего, принялся подстрекать прочих ангелов к мятежу, собрал огромное войско и выступил против сил Света. Но проиграл и на веки вечные был изгнан на Землю. С той самой поры падший ангел, одержимый неистовой жаждой мести, искушал людей, ввергал их в грех и насылал всяческие невзгоды. Он выжигал страны с помощью своих слуг — блох и роев мушек. Люди гибли от голода, мора, чумы, хаоса.

Когда он добрался до земель Золотой Орды, то подчинил себе всех степных бесов и злых духов, стал их князем. Вельзевул мечтал подчинить всю территорию Улуса Джучи. С тех пор как он появился там, началось непростое время, которое средневековые летописцы назвали «великой замятней». С 1360-го по 1380-й годы на престоле сменилось более двадцати пяти ханов. Власть над государством переходила из рук в руки, а борьба за неё сопровождалась кровопролитием, превратившись в затяжной период войн.

И началось всё со смертью хана Бердибека в 1359 году. Историки полагают, что убил его собственный брат, однако случилось это сразу после того, как в Степи появился Вельзевул. Совпадение ли это — сказать трудно.

Со смертью хана Бердибека пресеклась законная династия Батуидов[6] на престоле Золотой Орды. Началась эпоха затянувшейся смуты, раздора и кровопролитных войн между царевичами-чингизидами. Свершалось то, о чем мечтал Вельзевул: вражда правителей отразилась на всех жителях Великой степи. И демон наслаждался тем, как медленно гибнет от его рук очередное государство. Он наслаждался чужой болью и растягивал период смуты — ведь что значат двадцать земных лет для бессмертного существа? Капля в океане людских страстей, вражды и эмоций!

Хитрые бесы и злостные духи принимали облик знатных людей, странников и торговцев. Они втирались в доверие титулованным особам, затуманивали им разум, нашёптывали разные пакости, сеяли раздоры, разжигали в них ревность и зависть, настраивали друг против друга, говоря, что, мол, их родственники, мечтая занять ордынский трон, готовили против них заговор или военный поход.

Внезапно в игре Вельзевула появилась новая пешка — Мамай, готовый до последнего бороться за продление царствования Батуидов. Он не мог сам взойти на престол, но хитростью, войнами и дипломатией брал под контроль западную часть огромного государства. Посадив на трон малолетнего хана Мухаммада, Мамай управлял Золотой Ордой. Но его план разрушился на Куликовском поле: в сражении маленький хан погиб, и Мамай потерял власть, но не оставил своих идей. В том же году, осенью, войска Мамая и Тохтамыша встретились на Калке. Назревала большая битва. Вельзевул, потирая костистые ручонки, наблюдал за происходящим.

Но битвы не случилось. Почти все войско Мамая внезапно перешло на сторону Тохтамыша, что невероятно расстроило Вельзевула. Он-то ожидал более грандиозный финал! Однако все же смог насладиться безысходностью положения Мамая — демон хохотал и тыкал в него пальцем, насмехаясь над бесславным поражением.

---

[6] Происходящая от Бату хана, второго сына Джучи хана, внука Чингисхана.

Под улюлюканье демона Мамай бежал в Крым, пытался укрыться в крепости в Кафе[7], но его не пустили. А потом и вовсе убили около Солхата[8]. Тохтамыш стал единым законным правителем Золотой Орды и спутал все планы демона: разруха понемногу отступала, смута закончилась.

Вельзевул пришёл в неописуемую ярость и принялся ругать непутёвых слуг. Но степные бесы и злые духи лишь недовольно отмахивались — князь сам чересчур увлёкся своей игрой! Стравливая отпрысков Чингисхана между собой, Вельзевул не прислушивался к предупреждениям. А ведь они говорили ему о рождении у хана Тохтамыша дочери по имени Малика. Она, как оказалось, обладала божественным даром — помогать и дарить свет своим близким. С младенческого возраста она, как верный талисман, приносила удачу отцу. Рядом с ней происходили невероятные чудеса. Победы и успех стали сопутствовать хану Тохтамышу. Он быстро объединил разрозненные улусы[9], восстановил государство, привёл к единой форме денежную систему и стал чеканить новые монеты. А вскоре начали процветать ремесленничество и торговля. Росли экономика и военно-политическая мощь государства. Хан был доволен и счастлив: благодаря Малике и её божественному дару он победил в борьбе за золотоордынский престол, восстановил мир и спокойствие в государстве, с которым отныне считались другие.

Вельзевул, хотя и с опозданием, но осознал — Малика для хана стала верным живым талисманом. Демон принялся искать пути, как уничтожить её и продолжить сеять смуту и раздор в Золотой Орде. Однако осуществить подобное было не так-то просто. Помимо бесстрашных нукеров, охранявших ханскую дочь, она сама, излучая благословенный свет, представляла для тёмных сил серьёзную угрозу. Злые духи и бесы, посылаемые Вельзевулом к ханской дочери, тщетно силились приблизиться к ней.

Без приглашения этого было невозможно сделать!

Шли годы. Ханская дочь росла. А между тем Вельзевул предпринимал очередные попытки подступиться к ней. Сперва на базаре сгорбленным седовласым старичком, пока она любовалась диковинными товарами, выглядывая из-за штор паланкина; в другие разы демон пытался приласкаться милым котёнком и подлететь сизокрылым голубем, но всё было безрезультатно — бдительные нукеры отгоняли всех прочь от Малики. А как-то раз повелитель нечисти попробовал подобраться к ней на городской площади. Малика сошла на мостовую из паланкина и, остановившись поодаль от толпы зевак, глазевшей на странствующих актёров, засмотрелась на ловкое жонглирование заморского циркача. Вельзевул мигом обернулся в беспризорного мальчика, одетого в лохмотья и босого, и, проскользнув тенью мимо суровых нукеров, протянул к ханской дочери руку для смертельного прикосновения. Но сияние вокруг ханской дочери тут же усилилось и больно обожгло руку демону. Он в ужасе одёрнул обожжённую кисть и сбежал…

Летом 1385 года, когда Малике исполнилось пять лет и хан Тохтамыш устроил грандиозное празднование по такому случаю, приближённые Вельзевула вдруг вспомнили о злом духе Албасты, уродливой женщине с распущенными длинными жёлтыми волосами и торчащими изо рта острыми клыками. Жуткая бестия! Она могла проникать в человека во сне и поражать его тяжёлой болезнью. Но где она обитала, никто не знал. Давно её не видели. Сгинула поди уже!

---

[7] В XIII веке на месте Феодосии было основано генуэзское селение Кафа (итал. Caffa, тур. Kefe, крымскотат. Kefe), которое в 1475 году было завоёвано османами. В 1783 году, после присоединения Крыма к Российской империи Кафа была переименована в «Феодосию»; с 1787 года поселение получило статус города.

[8] Средневековое название старого Крыма.

[9] В средневековье «улус» означал «орду», «военную дружину» и производные, отсюда — «государство, страна» (монг. Монгол Улс), в частности удел, область Монгольской империи — Чагатайский улус и Улус Джучи (более известный как Золотая Орда) и другие.

Но, как оказалось, Албасты никуда не пропадала, а сыздавна, словно обозлившись на весь свет и тьму вместе взятые, прозябала в одиночестве в густом непролазном северном лесу. Она любила часто сидеть на огромном валуне у заросшего травой топкого водоёма, неспешно расчёсывать костяным гребнем длинные волосы и от невыносимой скуки о чём-то гулко вздыхать.

Когда слуги Вельзевула нашли её на том месте, она радостно встрепенулась, но, живо скрыв подкатившую к груди эмоцию, злобно откашлялась и проворчала:

— И кому это я в кои-то веки понадобилась?!

Албасты сразу учуяла выгоду с предстоящего дела. Однако она не стала долго набивать себе цену, видимо, истосковавшись по любой мало-мальски интересной работе. Но Вельзевул с пониманием отнёсся к ней — не каждый бес или злой дух осмелился бы находиться длительное время вблизи мощной ауры ханской дочери! Пообещав Албасты достойные награды от завоевания Золотой Орды, он велел ей ступать в ханский дворец.

Албасты тогда превратилась в миловидную пожилую женщину и, получив приглашение в дворцовые покои, стала работать няней у ханской дочери. Ночами, когда все во дворце, кроме стражников, засыпали, она возвращалась в свой привычный образ уродливой женщины с длинными жёлтыми волосами и с ужасными клыками, безобразно торчавшими изо рта. Она бесшумно запрыгивала на грудь спящей Малики и душила её…

Одним утром ханская дочь, вновь проснувшись разбитой и заплаканной, пожаловалась няне на ночные кошмары. Но пожилая женщина мило улыбнулась и поспешила успокоить Малику.

— Ничего страшного, моя душенька, это просто сон, — приобняла её Албасты и добавила: — Всё скоро пройдёт…

Но дни и ночи шли, а за ними шли недели и месяцы. Малика слабела и чахла, а Тохтамыш становился всё более одержим заговорами. В отношениях между ним и эмиром Тимуром — будто чёрная кошка пробежала! — начала происходить вожделенная для Вельзевула чехарда. Конфликт растянулся на годы, начали происходить восстания. Посланники демона нашептывали Тохтамышу: правление Тимура наносит вред торговле в Золотой Орде, особенно если тот подчинит себе Закавказье.

Тохтамыш поверил и сам завоевал эти земли. Эмир Тимур был разгневан: ему-то казалось, хан будет обязан ему по гроб жизни, ведь без его помощи Тохтамыш не получил бы трон Золотой Орды.

С тех пор понеслось!

В 1388 году Тохтамыш нанёс внезапный удар в самый центр владений Тимура. Золотоордынские войска прошли Сыгнак, вошли в Мавераннахр и осадили Бухару — в стратегически важные земли. Тут же, воспользовавшись ситуацией, восстали старые соперники Тимура в Могулистане и Хорезме (и, как шептались в народе, не без тёмной силы!). Вернувшись осенью 1388 года в Самарканд, Тимур сперва расправился с мятежниками, стерев Ургенч с лица земли. Однако, как только эмир распустил войска на зиму, Тохтамыш вновь вторгся в Мавераннахр — крупный регион Средней Азии. Тимур не послушался советов отступить на юг и подождать лета. Вместо этого он спешно собрал армию и двинулся на север. Армия эмира Тимура встретила передовые силы Тохтамыша и отбросила их за реку Сырдарья, но из-за бурана не смогли настигнуть и одолеть их.

Мятежи на территории Тимура продолжались, заставляя его разрываться между разными сторонами своих земель. Улучив спокойный момент, он приказал готовиться к большому походу — через пустыни, степи и горы.

В июне 1391 года войска Тохтамыша и Тимура столкнулись в битве на реке Кондурче[10]. Сражение завершилось полным разгромом Тохтамыша и его бегством под всё те же дикие

[10] Кундузча — правый приток более крупной реки Сок, впадающей в Волгу в районе Жигулевских гор.

улюлюканья Вельзевула. Но эмир Тимур не пустился за ним вдогонку и приказал своим людям двигаться в обратный путь.

Тем временем Албасты в одну из очередных ночей проникла в покои ханской дочери и принялась душить её. К огромному везению Малики, кто-то из припозднившихся слуг, проходя мимо спальни, услышал громкий неестественный хрип, вбежал в комнату и, увидев страшное чудовище, закричал о помощи. На шум прибежали нукеры. Загнав клыкастую бестию огненными факелами в угол, они набросили на неё мешок и поволокли на городскую площадь. С рассветом ей отрубили голову, а останки сожгли на костре.

Вскоре ханская дочь пошла на поправку. А между её отцом и эмиром Тимуром затеплилась надежда на мир. Хан Тохтамыш даже написал ему пару писем и направил послов с примирением, но Вельзевул вовремя подсуетился и настропалил Тимура идти до конца, подталкивая его с удвоенной силой, покуда Малика не выздоровела полностью.

И противостояние продолжилось.

В середине апреля 1395 года воюющие стороны столкнулись на реке Терек[11]. Наблюдая за ними, Вельзевул ликовал — результаты превзошли все ожидания! Самое масштабное сражение в истории средневековой Евразии, в котором бесстрашие воинов хана было замарано, унижено и растоптано предательством некоторых его вассалов, завершилось полным разгромом ордынцев. Хан Тохтамыш опять бежал с поля битвы. Он надеялся, что эмир Тимур, как и в прошлый раз, не станет задерживаться в степи и скоро уйдёт обратно в свои земли. Но случилось непоправимое. Больше года армия Тимура сновала по Великой степи и разрушала города Золотой Орды. Некогда цветущее государство вскоре превратилось в руины, торговые пути зачахли, а среди уцелевших жителей начались голод и чума…

[11] Те́рек — река на Северном Кавказе. Терек протекает по территории двух государств — Грузии (верховье) и Российской Федерации, в том числе в последней по территории 6 субъектов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.